

„ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ“

Иллюстрированный
научно-популярный
и
литературный жур-
наль.

Выходящий 2 раза
въ мѣсяць въ гор.
Благовѣщенскѣ на
Амурѣ.

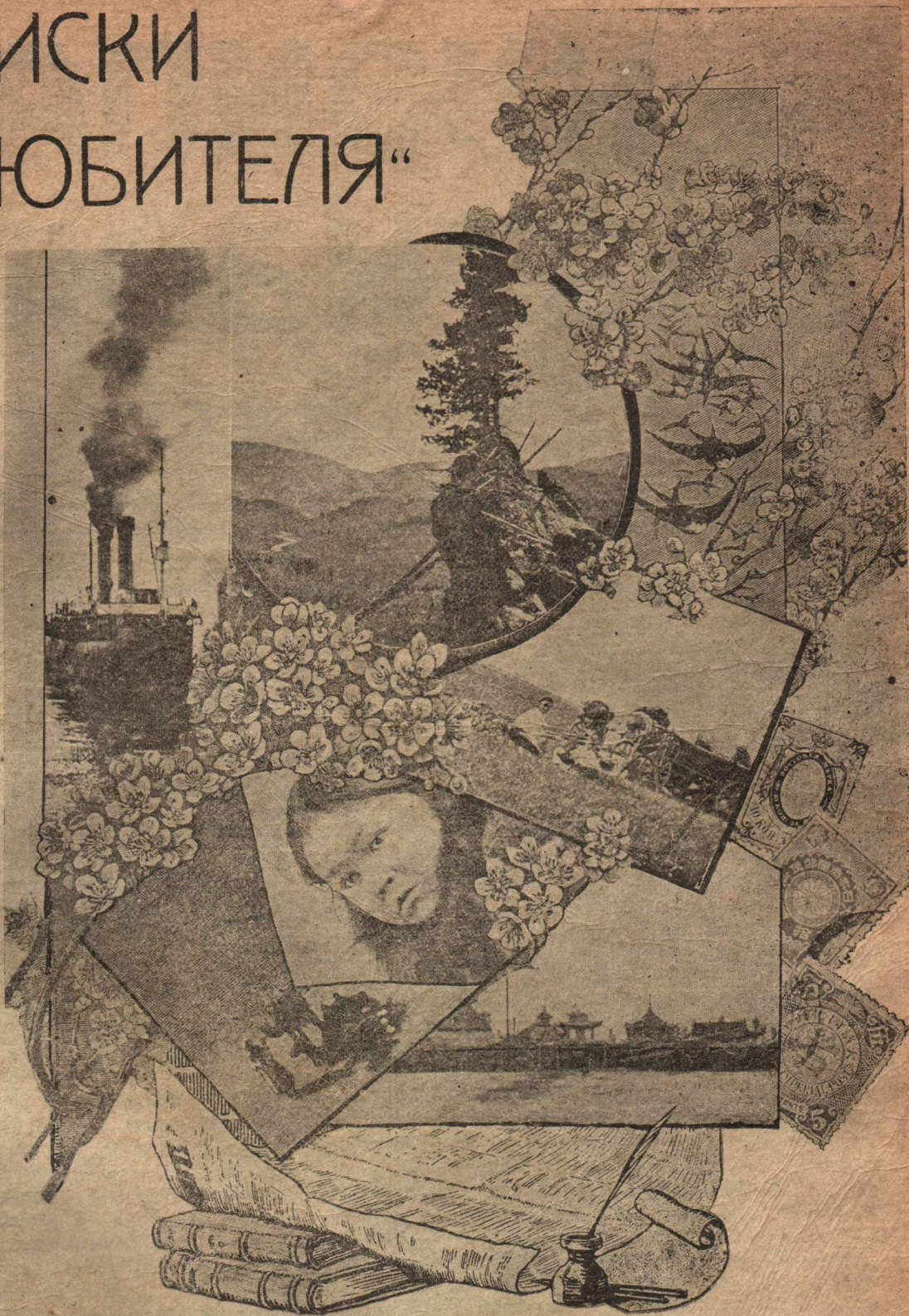
Подписная цѣна:

На годъ 3 р. — к.
„ 1/2 года 1 р. 75 к.
„ 3 мѣсяца — р. 85 к.

Плата за помѣщеніе объявленій:

1 страница 20 р. — к.
1/2 » 10 р. — к.
1/4 » 5 р. — к.
1/8 » 2 р. 50 к.
1 строка — р. 15 к.

Типографія Т-ва «Печатное Дѣло». Торговая № 10.

1916 г.

Цѣна отдѣльнаго № 15 копѣекъ,

Годъ изданія I. № 1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ

на журналъ

„ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ.“

Подробности см. послѣ текста.

„ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ“

Иллюстрированный, научно-популярный и Литературный журнал Любителей-ислѣдователей и коллекціонеровъ.

Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ въ городѣ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

№ 1.

1916 годъ.

1.

Отъ Редакціи.

Выступая передъ обществомъ съ изданіемъ журнала „Записки Любителя“ редакція считаетъ долгомъ своимъ сказать, что побудило насъ къ этому: не тщеславное стремленіе „показать себя“, а искреннее желаніе придти на помощь, въ дѣлѣ объединенія, таковымъ—же какъ мы самоучкамъ любителямъ науки и литературы, занимающимся изученіемъ родины и въ тоже время самообразованіемъ, въ цѣляхъ лучшаго и правильнаго приложенія нашихъ трудовъ.

За послѣднее время наблюдается повышенный интересъ къ Сибири и Дальнему Востоку. Сюда наѣзжаютъ ученые люди, снаряжаются экспедиціи для изученія края во всѣхъ областяхъ жизни населенія и природы, а также и историческаго прошлаго его.

Казалось бы, что любителямъ да еще самоучкамъ совсѣмъ дѣлать нечего тамъ, гдѣ работаютъ ученые люди. Однако, вотъ тогда то, когда начинается строго научное изслѣдованіе и изученіе страны, любителямъ науки и предстоитъ широкое поле благодарной дѣятельности. Надо, всѣмъ и доступными путями, оказывать содѣйствіе научнымъ организациямъ и отдѣльнымъ ученымъ людямъ въ дѣлѣ изученія нашего края.

Только тогда изученіе такой обширной части свѣта какъ Сибирь или Дальній Востокъ пойдетъ правильнымъ путемъ, когда каждый ученый изслѣдователь будетъ встрѣчать въ лицѣ каждаго мѣстнаго грамотнаго человѣка безкорыстнаго, сознающаго важность дѣла, сотрудника себѣ.

Редакція и предполагаетъ готовить на мѣстахъ такихъ сотрудниковъ для г. г. грядущихъ изслѣдователей нашихъ странъ.

Надѣмся, что мѣстныя научныя и культурно-просвѣтительныя организациі и люди ученые, умудренные опытомъ и знаніями, не откажутъ намъ въ своихъ просвѣщенныхъ указаніяхъ и совѣтахъ, а могутъ быть и болѣе активномъ сотрудничествѣ и руководствѣ, въ каковыхъ мы, конечно, будемъ имѣть неизбежную потребность, такъ какъ мы не желаемъ проводить въ жизнь, черезъ посредство журнала, идеи дилетантизма, не смотря на то, что журналъ свой считаемъ любительскимъ. Это, полагаемъ, доказываетъ, что мы имѣемъ въ виду не изучать своими силами, а лишь способствовать планомерному изученію края, какъ сказано выше, подготовкой сотрудниковъ г. г. изслѣдователямъ, а также и собираніемъ полусырого, но достовѣрнаго литературнаго матеріала для ихъ научныхъ трудовъ.

Редакція.

Востокъ и Западъ.

Тому, кто не жилъ самъ на Дальнемъ Востокѣ, не можетъ не казаться, что, въ силу своего географическаго положенія, въ Европѣ и Азій, Россія должна являться проводникомъ и истолкователемъ западныхъ идей среди азіатскихъ народовъ.

Близкое знакомство съ Дальнимъ Востокомъ убѣждаетъ насъ въ противномъ, разочаровываетъ всякаго русскаго. Вы наблюдаете здѣсь вліяніе всѣхъ народовъ Европы и Америки, но русскихъ вліяній, ни духовныхъ, ни экономическихъ, несмотря на непосредственное сосѣдство, не находите ни въ Китаѣ, ни въ Японіи, ни въ Корей, нигдѣ, за исключеніемъ полосы отчужденія вдоль Восточно Китайской желѣзной дороги. Обѣзжающему эти страны Россія представляется не въ двухъ-трехъ дняхъ пароходнаго пути, а какъ бы на другой планетѣ. До русско-японской войны еще можно было встрѣтить русскихъ въ нѣкоторомъ количествѣ въ Нагасаки. Это былъ единственный пунктъ, въ которомъ наблюдалось общеніе и сближеніе съ туземцами.

Послѣ войны и въ Нагасаки русскіе флаги и вывѣски уступили мѣсто англійскимъ и американскимъ. Русскихъ товаровъ и здѣсь впрочемъ никогда не было, не смотря на многолѣтнюю стоянку русской эскадры. Констатировавъ этотъ странный, но несомненный фактъ, нельзя не задуматься надъ его объясненіемъ.

Проводниками западныхъ идей на Дальнемъ Востокѣ въ первой линіи явились американцы, а истолкователями и помощниками японцы. Американцы оказались крайними, наиболѣе яркими выразителями началъ западной культуры. Какіе бы интересы ни привлекали этотъ энергическій и предприимчивый народъ на эту сторону Тихаго Океана, торгово-экономическіе, территоріально—завоевательныя (Филиппины), культурный прозелитизмъ,—онъ во всякомъ случаѣ, не смотря на разстояніе, является на Д. Востокѣ среди иностранцевъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Что касается Россіи и русскихъ, то именно срединное географическое и этнографическое положеніе явилось непреодолимымъ препятствіемъ. Россія оказалось полуюропейской, полуазіатской страной, еще не усвоившей себѣ прочно ни тѣхъ, ни другихъ началъ. Механическимъ агрегатомъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ; агрегатомъ, въ которомъ ни одной сторонѣ, ни Востоку, ни Западу не удалось до сихъ поръ завоевать себѣ культурную гегемонію, ассимилировать противника. Въ другомъ мѣстѣ („Вѣстникъ Азіи“. Харбинъ. Колоніальная политика С. Штатовъ.) Я болѣе подробно разсмотрѣлъ противорѣчія Запада и Востока, доказывающія какъ не легко отыскать имъ компромиссъ. Врядъ ли

какой либо компромисс и возможенъ. Не компромиссъ требуется, а полное, радикальное измѣненіе самой восточной психологіи.

На это требуется время..... рѣшеніе этого вопроса должно быть и будетъ, какъ и все разумное и планомѣрное, радикальнымъ, хотя бы и медленнымъ. Радикальное же рѣшеніе—одно: снабдить русскаго человѣка *властью надъ стихіей* черезъ передачу ему тѣхъ положительныхъ знаній и современныхъ орудій производства, которые послужили психологической основой для эмансипаціи отъ стихіи народовъ западныхъ, фундаментомъ ихъ собственныхъ учреждений, пробудившимъ въ нихъ *вѣру въ себя*, вѣру въ человѣка.

Россия въ своей этнографіи и въ своемъ строѣ жизни сама укрываетъ два взаимно исключаютеліе друга друга начала.

Но этого мало. Я утверждаю, что душа русскаго представляетъ изъ себя нѣкое поле битвы между тѣми же непримиримыми началами, между Западомъ и Востокомъ. Ссылаюсь на всю портретную галерею русскихъ типовъ, какъ интеллигентныхъ, такъ и народныхъ, какъ они изображены талантливейшими русскими беллетристами психологической школы: на Достоевскаго, Успенскаго, Тургенева, Толстого, Андреева. Вспомните всѣхъ ихъ героевъ и отыщите что въ нихъ общаго, что проходитъ красною полосой черезъ всю ихъ психологію? Вѣчная душевная борьба съ самимъ собою, вѣчное ковырянье въ собственной душѣ и, какъ результатъ,—бессиліе и парализующая неуравновѣшенность, нѣчто глубоко трагическое. Развѣ они знаютъ чего хотятъ, развѣ у каждаго изъ нихъ не семь пятницъ на недѣлѣ?

Развѣ не напоминаютъ они пробку въ пустой бутылкѣ? Это не сознательное человѣческое мышленіе и поведеніе, а истеро-эпилепсія какая—то, свидѣтельствующая объ отсутствіи всякой психологической координаціи.

Въ этомъ причина и безволя русскаго человѣка и его замѣчательной въ сравненіи съ другими народами чувствительности ко всякаго рода внушеніямъ. не въ этомъ ли надо искать объясненія и вѣчному „исканію Бога“ (и пророковъ), исканію столь симпатичному съ перваго взгляда (и если смотрѣть на него издали. Ред.), въ сущности же проистекающему изъ того же безволя и потребности найти себѣ руководящую волю хозяина. За нимъ скрывается вѣра въ стихію, въ предковъ, постоянное оглядываніе назадъ, на предшествующіе моменты стихійной эволюціи, боязнь оборвать пуповину, восточный фатализмъ.

Все это знакомый голосъ Востока, голосъ Азии, которая была колыбелью всѣхъ пророковъ и всѣхъ религій въ противоположность голосу Запада, говорившему устами ученыхъ, мыслителей и философовъ.

Эта психологическая импотенція русскаго является корнемъ зла.

Нагасаки, Японія.

Р.

М. К. Руссели.

Крaчки

и якутская легенда о нихъ.

Крaчки принадлежатъ къ семейству куриныхъ, очень похожи на тетерекъ, но гораздо меньше ихъ и по величинѣ лишь немного больше рябчиковъ; встрѣчаются въ Амурской области преимущественно въ густыхъ хвойныхъ лѣсахъ по горнымъ склонамъ.

Я въ первый разъ встрѣтилъ ихъ при спускѣ съ одной изъ вершинъ отроговъ Сутырскаго хребта въ бассейнѣ рѣки Буреи и меня очень заинтересовалъ способъ охоты на нихъ.

Когда былъ замѣченъ выводокъ крaчекъ то тунгузъ—проводникъ заявилъ что онъ намѣренъ „взять“ нѣсколько штукъ на обѣдъ. Конечно ничего нельзя было возразить противъ такой заманчивой задачи, тѣмъ болѣе, что путешествіе въ горы часто сопряжено съ нѣкоторыми лишениями.

Тунгузъ нашель длинный тонкій шестъ, прикрѣпилъ къ концу его мой шнурокъ отъ карандаша въ видѣ петли и занялся ловлей птицъ, разъяснивъ попутно, что только совершенно незнакомый съ ихъ привычками охотникъ тратитъ на нихъ заряды.

Дѣло было въ концѣ іюля и въ это время года крaчки, находя вездѣ обильную пищу - молодую хвою и ягоду - не любятъ подниматься высоко и садятся на нижнія сучья деревьевъ. Процессъ охоты заключается въ слѣдующемъ.

Охотникъ сначала спугиваетъ птицъ съ земли и заставляетъ ихъ сѣсть на деревья; потомъ почти безъ всякихъ предосторожностей подходитъ къ дереву и, подводя на шестѣ петлю, начинаетъ надѣвать ее на шею избранной жертвы. Крaчка все время внимательно слѣдитъ за подходящимъ человѣкомъ; сначала она повертываетъ голову все далѣе, не спуская глазъ съ охотника, потомъ если нужно, повертывается всѣмъ туловищемъ въ противоположную сторону и продолжаетъ внимательно смотрѣть, повидимому у нея въ это время больше любопытства, чѣмъ сознанія опасности.

Вотъ приближается петля, но ловець не совсѣмъ точно подводитъ ее длиннымъ шестомъ и она однимъ краемъ почти касается головы птицы - крaчка наклоняетъ голову въ сторону, но петля опять плыветъ вслѣдъ за головой голова наклоняется въ противоположную сторону; состязаніе продолжается до тѣхъ поръ, пока голова не оказывается противъ центра петли; птица немного задумывается надъ тѣмъ какъ избавиться отъ шнурка, одинаково мѣшающаго и тому, и другому глазу, но скоро она находитъ выходъ и... протягиваетъ шею въ петлю. Обыкновенно этихъ птицъ всегда ловятъ живыми.

Отсутствіе всякаго инстинкта самосохраненія у крaчекъ возмутило меня до глубины души и я послѣ поимки четырехъ штукъ поторопилъ проводника, къ его большому неудовольствію, итти далѣе, тѣмъ болѣе, что дождь, начавшійся передъ тѣмъ сталъ усиливаться.

Названіе этой птицы у якутовъ и тунгузовъ сдѣлалось нарицательнымъ для людей, не умѣющихъ постоять за себя; говорятъ - онъ безпомощенъ какъ крaчки (такъ выговариваютъ якуты и тунгузы). Русскіе называютъ эту птицу просто — „каряка“.

Одинъ якутъ рассказалъ мнѣ довольно поэтическую легенду о тѣмъ, какимъ образомъ крaчки утратили инстинктъ самосохраненія.

“Въ прежнія времена царемъ птицъ, какъ и теперь, былъ орелъ но вотъ кончился срокъ его царствованія и были созваны всѣ птицы для выбора новаго царя и, кстати, для рѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ“.

“Общее собраніе, какъ и слѣдовало ожидать, не обошлось безъ инцидента. Нѣкоторыя изъ птицъ начали выдвигать кандидатуру журавля; тогда одна маленькая черненькая птичка выступила съ горячею рѣчью, доказывая, что журавль будетъ неподходящимъ царемъ и рекомендовала выбрать опять орла. Журавль почувствовалъ себя оскорбленнымъ набросился на птичку и такъ жестоко избилъ ее, что та оказалась калѣкою и уже почти не могла ни ходить, ни летать. Избраннымъ все таки оказался орелъ, къ которому черненькая птичка сейчасъ же и обратилась съ жалобой на журавля. Орелъ, разобравъ дѣло, постановилъ, что журавль каждую весну долженъ приносить на своей спинѣ искалѣченную птичку на сѣверъ, а осенью уносить обратно въ теплую страну. И теперь журавль, подчиняясь рѣшенію царя, неуклонно выполняетъ свои обязанности.“

“Общимъ собраніемъ, между прочимъ, было вынесено постановленіе, что больше всего слѣдуетъ бояться и избѣгать двуногихъ животныхъ - людей, какъ самыхъ опасныхъ для птицъ.“

“Крaчекъ задержали дѣла, онѣ опоздали и подлетали къ мѣсту собранія въ то время, когда вопросы были рассмотрѣны и птицы разлетались по домамъ. Крaчки на-лету спросили у встрѣчныхъ—“какія вынесены наиболѣе важныя постановленія?“ - “слѣдуетъ бояться двуногихъ“, отвѣчали встрѣчные; “Не бояться двуногихъ?“ - переспросили крaчки. “Да, да“, отвѣтили имъ, не разслышавъ хорошенько вопроса“.

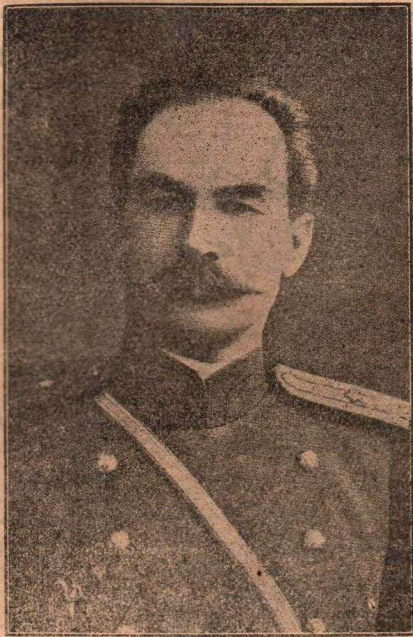
„И вотъ съ тѣхъ поръ всѣ птицы боятся чело-“

вѣжа, а крачки не боятся его“.

Якуты и тунгузы увѣряютъ, что видѣли маленькихъ черныхъ птичекъ, переносимыхъ журавлями, и въ пути, и на озерахъ (эти птички живутъ на водѣ). Крылья этихъ птицъ недоразвиты и напоминаютъ крылья молодыхъ птицъ. Ноги вывернуты наружу, хорошо приспособлены для плавания и совершенно не годны для ходьбы между тѣмъ птица эта перелетная. Названія птицы мнѣ узнать не удалось.

Быть можетъ дѣйствительно существующее сожителствомъ ежду этой птичкой и журавлемъ, основанное на взаимныхъ услугахъ и подмѣненное инородцами, дало начало приведенной легендѣ.

П. Колосковъ.

Полковникъ
Петръ Кузьмичъ Козловъ.

Извѣстный путешественникъ и изслѣдователь друзей и сподвижниковъ Н. М. Пржевальскаго и преемниковъ его по изслѣдованію центр. Азии, Открывшій въ Монголіи мертвый городъ «Хара—Хото» и имѣвшій свиданія съ Далай—ламой, чейю не могли добиться прежніе путешественники.

Частушка въ Забайкальѣ.

И. Игнатовъ, въ своей статьѣ „Деревенская поэзія“ (Русскія Вѣдомости. № 286, 1914 г.), явившейся отзывомъ на „Сборникъ великорусскихъ частушекъ“ вышедшій въ 1914 г. въ Москвѣ, подъ редакціей Б. Н. Елеонской, говоритъ, что частушка есть

.....поэтическое достояніе деревни, живущей обыденной жизнью, — спокойной по внѣшности, но далеко не спокойной по переживаемымъ чувствамъ. Частушка — плодъ творчества обоихъ половъ, но преимущественно женскаго и даже преимущественно дѣвическаго. Грамотная или неграмотная, счастливая или несчастливая, развитая или смиренная, деревенскія дѣвушки становятся поэтессами и рассказываютъ о своихъ радостяхъ и печаляхъ, тоскѣ и надеждахъ, находя откликъ въ подружкахъ, распѣвающихъ грустныя или веселыя пѣни и добавляющихъ къ нимъ свои измышленія.

Въ частушкѣ — густая атмосфера любовной страсти. Отъ Архангельской до Астраханской губерніи, отъ Московской до Енисейской и далье до береговъ Японскаго и Берингова морей (Н.—Д.) четырехстишія и двустишія несутъ дѣвическіе

вздохи и жалобы, мужескіе уговоры и общія пламенные влеченія. Любятъ, страдаютъ, надѣются, теряютъ надѣжду, упрекаютъ или прощаютъ, грозятся или покоряются, видятъ передъ собой печальную участь или добиваются желаемаго. И параллельно съ этими признаніями и томленіями поэтессы характеризуютъ себя, общую деревенскую психологію, семейныя отношенія, бытовья особенности. Мѣстныя условія иногда высказываются въ поэтическомъ творествѣ; чувствуется порой измѣнившаяся соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ психологія, большая или меньшая нервность, настойчивость или слабость. Мѣстныя же особенности проявляются и въ характерѣ работы, о которой упоминается въ частушкѣ, и въ концѣ концовъ лирика, — которою, конечно, является эта поэзія, — служитъ и для характеристики быта, для изображенія семейныхъ отношеній, мѣстныхъ особенностей, условій труда и даже частью общественной жизни.

Изъ этихъ словъ видно: какой богатый матеріалъ представляетъ для изученія народной словесности, собраніе частушекъ, — этихъ большей частью опошленныхъ, загрязненныхъ сальными измышленіями хулиганствующихъ шалопаевъ, но, все-таки, пѣсенъ — произведеній „деревенской поэзіи.“

Въ 1911—14 г. г., я, скитаясь по Восточному Забайкалью, записалъ нѣсколько частушекъ. распѣваемыхъ тамъ, которыя и помѣщаю ниже, не вдаваясь въ комментаріи и многословныя объясненія. Слова частушекъ записаны и приводятся мною здѣсь съ полнымъ сохраненіемъ ихъ *выговора*.

Мужчины интересуются любовью и солдатчиной. Эти два мотива составляютъ почти исключительное достояніе ихъ творчества.

Солдатчина до сихъ поръ отражается въ поэтическомъ творествѣ, какъ нѣчто непоправимое, почти какъ вѣчная разлука. О солдатчинѣ поэты говорятъ во всѣхъ губерніяхъ, находя для выраженія одинаковыхъ чувствъ разнообразныя формы.“
Игн.

1. Неужели, въ самомъ дѣлѣ,
Насъ въ солдатики возьмутъ?
Неужели, въ самомъ дѣлѣ,
Шинель сѣрую дадутъ?

2. Я послѣдній разъ катаюсь
На лошаdkѣ вороной, —
Повезутъ меня на службу,
На машинѣ паровой.

3. Стой машина, чертовщина,
Ты куда торопишься?
На тебя некруты сядутъ, —
Ты не поворачивайся.

Варианція:

На тебя некруты сядутъ, —
Назадъ не воротятся.

(Козаковскіе золот. приска)

4. Полно милый пить, кутить, —
Намъ недолго съ тобой жить:
Тебя, миленькій, забреютъ, —
Меня въ замужь отдадутъ.

5. Милый мой, пойдемъ домой,
Пойдемъ, моя картиночка,
Тебя угонять на войну, —
Останусь сиротиночкой.

(г. Нерчинскъ)

6. Тебя, милюшкой, забреютъ, —
Я, сироточка, куда?
Нынче пролюби широки, —
Я головушкой туда.

(Олинская вол.)

7. Переулочекъ широкой,
Приусыпаной пескомъ.
Повезутъ Сеню въ солдаты, —
Я заплачу голоскомъ.

8. Охъ, охъ! Не дай Богъ
Съ солдатикомъ знаться,—
Онъ съ колючими усами
Лѣзеть цѣловаться.
(Успенская вол.)

9. Лучше сдохну, ¹⁾ пропаду,—
А за „Гурана“ ²⁾ не пойду,—
У „гурана“ плетка вѣта,—
Завсегда я буду бита.
(Пос. Загвоздкина, Унд. стан.)

Очень много частушекъ посвящено гармошкѣ, что и неудивительно, такъ какъ частушка и гармошка составляютъ какъ бы неотъемлемыя части души и тѣла всякаго парня въ деревнѣ, на приискѣ и въ захолустномъ городѣ.

10. Ты гармошка—матушка,—
Лучше хлѣба—батюшка.
Ты гармошка,—черный мѣхъ,
Не вводи меня во грѣхъ.

11. У гармошки мѣдны ножки,
Золотые голоса.
У моей то у милашки
Свѣтлорусы волоса.
(г. Нерчинскъ.)

12. Что, гармошка, не играешь?
Развѣ тону въ тебѣ нѣтъ?
Что, милашка, не встрѣчаешь?
Развѣ дома тебя нѣтъ?
— Еслибъ дома я была,—
Я бы встрѣтила тебя.
(г. Нерчинскъ.)

13. Седни праздникъ воскресенье,
Двадцать первое число.
Идетъ миленькій съ гармошкой
И ремень черезъ плечо.

14. Шель я верхомъ, шель горой,
Несъ тальянку подъ полой,
Оступился въ ямочку,—
Изломалъ тальяночку
Дѣвки, дайте по рублю,—
Я тальяночку куплю.
Дѣвки дайте по другому,—
Я тальянку куплю нову.
Не дадите по рублю,—
Я послѣдню расколю...

15. Отходила колидоромъ,
Отсчитала лѣсенки.
Отыгралъ милъ на гармошкѣ,
Я отпѣла пѣсенки.
(Козаковск. зол. прииска.)

16. Посмотри-ка, мать, въ окошко:
Кто-то тонетъ на рѣкѣ,
Въ бѣлой вышитой рубашкѣ
И тальяночка въ рукѣ.
(г. Нерчинскъ.)

У этой частушки, впрочемъ, есть другой вариантъ:

17. Ты, сгляни-ка мать, въ окошко.
Милой тонетъ на рѣкѣ
Въ бѣлой вышитой рубашкѣ
И колечко на рукѣ.
(Козаковскіе прииска.)

18. Ваня, Ваня-гармонисъ
Не ходи одинъ на низъ.—
На низу раки зимуютъ,—
Тебѣ ноги объѣдятъ.
(Олинское поселъе.)

19. Я по улицѣ иду
Бугорки да ямочки.
Сроду, сроду не пройдетъ
Милый безъ тальяночки.

20. Я не самъ гармошку ладилъ,—
Мастеръ лакомъ наводилъ.
Я не самъ дѣвченку сваталъ,—
Тятка съ мамкою ходилъ.

Здѣсь, уже, какъ видите, жалоба на семейное положеніе, которая развивается въ слѣдующей частушкѣ

21. Ахъ! зачѣмъ меня женили,
Пару коней маяли.
Зачѣмъ таку растрепу брали,—
Что-бы люди хаяли.
Да чего ужъ ждать отъ жены добраго, когда и ма-
тушка у нея видно „растрепа“.

22. Теща моя
Хуже лихорадки:
Щи варила,—разлила
Ошпарила пятки.
Или,—по другому варианту:
Щи горячи пролила
Зятю на запятки.

(г. Нерчинскъ.)
Новиковъ-Даурскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Буддійскій образъ одна изъ многочисленныхъ находокъ П. К. Козлова въ развалинахъ «Хара-Хото» образъ изображаетъ Будду сидящаго на розовомъ лотосѣ, съ поджатыми ногами, ступнями вверхъ. Нижнее платье красное верхнее желтое, губы красныя, Вокругъ головы зеленый нимбъ, а вокругъ всей фигуры красный нимбъ. Будда опирается на темно-синюю подушку.

Цвѣта красный и желтый сохранились очень хорошо

ЗИНОЧКА. повѣсть.

Подпоручикъ Судьбинъ, бывшій студентъ и воспитанникъ военно-училищныхъ курсовъ, въ 19... году влюбился въ единственную дочь чиновника губернскаго казначейства Зинаиду Владиславовну Невскую. Влюбился такъ, что три ночи не могъ сомкнуть глазъ, чувствуя во всемъ тѣлѣ какую-то особенную, до этого незнакомую ему боль и томленіе.

Въ первый разъ онъ увидѣлъ „свою Зиночку“ (хотя онъ и небылъ еще знакомъ съ m-elle Невской, какъ потомъ оказалось—бывшей воспитанницей X-скаго института благородныхъ дѣвицъ, но въ душѣ называлъ ее уже „своею“, а черезъ денщика узналъ что зовутъ ее Зиночкой) во время всенощной въ приходской церкви, недалеко отъ которой жилъ онъ по сосѣдству съ казармами родного ему N-скаго пѣхотнаго полка.

Увидя Зиночку (будемъ и мы такъ называть ее теперь), подпоручикъ Судьбинъ былъ невольно очарованъ ея дивной красотой. Посмотрѣлъ онъ на нее въ другой разъ пристально, обернулся въ третій и безпощадный амуръ пустилъ въ его „солдатское“ сердце свою колючую, какъ шипы дикой розы, стрѣлу. Влюбившись въ Зиночку, подпоручикъ Судьбинъ только и думалъ о томъ, какъ-бы съ нею познакомиться.

Однажды въ субботу, выходя изъ церкви Леонидъ Николаевичъ (имя Судьбина) на паперти нечаянно встрѣтился съ Зиночкой и, увидя обреченный ею на полъ шелковый платочекъ, нагнулся, поднялъ его и подаль ей со словами:

— Кажется, вы m-elle, изволи уронить платочекъ?

Да я... Это мой... Мерси, мистеръ Судьбинъ... Извините, что изъ-за меня вамъ пришлось обезпокоиться!

Какъ очень вѣжливый кавалеръ (товарищи всегда называли его джентльменомъ), Судьбинъ на слова Зиночки отвѣтилъ какимъ-то очень любезнымъ экспромптомъ, очень удачно ввинтивъ въ него непосредственно относящійся къ ней комплиментъ—и они познакомились. Пользуясь подходящимъ случаемъ, Леонидъ Николаевичъ проводилъ Зиночку домой.

— Будемъ теперь знакомы, Леонидъ Николаевичъ! прощаясь съ нимъ, проговорила немного картавая Зиночка.

— Какъ? Вы даже знаете мое имя и отчество? удивился онъ.

Зиночка тихо засмѣялась и сказала:

— Какъ видите знаю. А вы моего имени не знаете?

— Зинаида... заикнулся Судьбинъ и почему-то, точно передъ начальствомъ, взялъ „подъ козырекъ.“

— Зинаида Владиславна, а для васъ просто Зиночка! почти шепотомъ произнесла она и скрылась во дворъ за угломъ дома.

Леонидъ Николаевичъ былъ ошеломленъ ея смѣлымъ отвѣтомъ, въ особенности послѣднею фразою и стоялъ не шевелясь.

— Вамъ кого надо? деликатно и какъ-бы участливо спросилъ у него пожилой господинъ съ кокардою „на чердакѣ“.*)

— Да я... собственно никого не надо... Такъ посмотрѣть хотѣлъ... не живетъ-ли здѣсь мой товарищъ?

Нѣтъ, здѣсь офицеры не живутъ. Это мой домъ здѣсь я хозяинъ: я не отдаю квартиръ внаймы... До свиданія! проговорилъ господинъ и скрылся за угломъ дома.

— Отецъ Зиночки! закрилась у Судьбина мысль въ головѣ и онъ возвратился къ себѣ домой и легъ на свою соломенную „холостяцкую“ постель, „объятый думами.“

Поданный денщикомъ ярковычищенный самоваръ „подъ парами“ нѣсколько развеселилъ Леонидъ Николаевича и онъ даже сталъ шутить съ своимъ камчадаломъ.**)

— Хромоногий!

— Чего извольте, ваше бл-діе?

— Ты любилъ кого-нибудь?

— Ась?..... Што такое вы сказываете?

— Говорю: Ты любилъ кого-нибудь, когда-нибудь?

Денщикъ осклабился и, повидимому что-то соображая, сильно потянулъ носомъ. Да, а то какъ же иначе, извѣстно любилъ, ваше бл-діе...

— И здорово любилъ?

— Да какъ слѣдуетъ быть, ваше бл-діе.

Кого же ты любилъ?

— Кого? Извѣстно кого по хозяйству больше корову съ теленкомъ, лошадь, свиней... А то у насъ Жучка была—собачонка дворовая, такъ я страсть какъ любилъ ее!

— Да нѣтъ..... Я не про то спрашиваю.

— А про што же ваше бл-діе... вновь потянувъ носомъ воздухъ, заморгалъ глазами рядовой Хромоногий.

— Дѣвушку какую-нибудь любилъ ты когда-нибудь?

— Дѣвушку, сказываете? даже удивился денщикъ. Да деревенскую дѣвушку?

— Полюбилъ разъ, ваше бл-діе... Только когда полюбить—такъ жениться на ней надобно. А я, видно, не любилъ—потому до сей поры вотъ и не оженился еще!

Поставивъ передъ бариномъ полный стаканъ горячаго чаю, рядовой Хромоногий собрался уже уходить въ свою команду, но подпоручикъ остановилъ его.

— Постой!.... Ты говоришь: полюбить разъ—жениться надо?

— Да а то какъ же, ваше бл-діе, иначе нельзя: нешто возможно дѣвушку позорить тары-барами одними?

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Помѣщенную на тульѣ фуражки кокарду у статскихъ военныхъ называютъ почему то помѣщенной „на чердакѣ“.

**) По старой привычкѣ, нѣкоторые офицеры называютъ своихъ денщиковъ «камчадалами».

Байкалъ.

Окаймленный густыми лѣсами,
Межъ пустынныхъ, нахмуренныхъ скалъ,
Зачарованный властными снами,
Успокоился грозный Байкалъ.

Сквозь далекую дымку тумана, —
Видны цѣпи синѣющихъ горъ; —
Какъ палатки враждебнаго стана,
Ихъ нетронутый снѣжный уборъ...

Въ вышинѣ, какъ титаны, могучи,
Недоступныя дѣтямъ земли,
Подымаются мрачныя кручи,
Гдѣ орлы себѣ кровь завели.

И къ подножью утесовъ высокихъ,
Безпредѣльнымъ покоемъ великъ,
Съ поцѣлуемъ отъ братьевъ далекихъ
Приникаетъ безмолвно старикъ.

И невольно вопросомъ смущаетъ
Величаваго старца краса, —
Небосводъ ли его отражаетъ,
Или онъ отразилъ небеса!

(„женщ.“) П. Е. Мурунскій.

*

* * *

О зорька, зорька дорогая,
Какъ чистъ и свѣтелъ твой уборъ.
Онъ золотой парчей сверкая,
Манить къ себѣ страдальца взоръ.

Онъ путь къ свободѣ озаряетъ,
И счастье въ жизни мнѣ сулитъ,
Но рокъ суровый омрачаетъ,
Моихъ надеждъ земной зенитъ.

Я свой рыбачій, утлый челнъ,
Направилъ твердою рукою
Въ пучину чуждыхъ, бурныхъ волнъ,
И спорить я готовъ съ судьбою.
Неси меня, мой вѣрный челнъ,
Въ тотъ путь, что зорька освѣщаетъ.
Она смиритъ пучину волнъ,
Она намъ счастья желаетъ.

Свѣти же, зорька дорогая.
Такъ чистъ и свѣтелъ твой уборъ.
Онъ золотой парчей сверкая,
Манить къ себѣ страдальца взоръ.

Юлиа Безталаннѣй.

Здѣсь на Амурѣ.

(Разсказъ Виктора Снѣжина).

«Ухъ, какъ хорошо сегодня», говорилъ только что проснувшійся Кузька, вышедшій на крыльцо сельской школы, оглядывая своими подслѣповатыми глазами раскинувшуюся предъ нимъ картину, жмурясь отъ яркихъ лучей солнца и закрываясь отъ ихъ ослѣпительнаго свѣта ладонью.

И, дѣйствительно, все окружающее, послѣ трехъ недѣль проливнаго дождя, подъ быющими лучами весенняго солнца, было новымъ: лѣсъ, казавшійся во время этихъ непрерывныхъ дождей нахмуреннымъ и задумавшимся великаномъ, теперь казался изумрудной лентой, шаловливо брошенной кѣмъ-то къ подножью убѣгавшихъ въ синѣющую даль сопокъ; отъ лѣса, торопясь какъ-будто и перескакивая другъ чрезъ друга, шли чередующіяся полосы засѣянныхъ хлѣбовъ, и пара, которая, перескочивъ чрезъ немолчно-говорящую съ прибрежными кустами рѣчку Грязнушку, зеленѣя, скрывались въ чутъ синѣющемъ вдаль лѣсу.

И радуясь этому неожиданно-ласковому дню, все жило и трепетало весенней радостью: лились звуки птичьего гамона, непоминающие тихие звоны, настраиваемых музыкальных инструментов казалось все вокруг пѣло и говорило своимъ языкомъ: и поле, и лѣсъ, и небо и рѣка; гдѣ-то далеко, въ невидимомъ болотѣ, на перебой другъ передъ другомъ, квакали лягушки, а за извивавшейся причудливыми изворотами дорогой, немного строго и дѣловито звенѣли дергачи...

Не долго привлекала вниманіе Кузьки эта картина: дрожащими съ похмѣлья руками зажалъ онъ свою голову бормоча: „Вотъ язви ее, такъ мало пили съ Силантьемъ, а какъ здорово ломить» и предъ его глазами проходилъ вчерашній хмурый вечеръ, когда дождевая сѣть покрывала землю и съ остервенѣніемъ лила на нее и Кузькѣ, старому бобылю, въ осиротѣвшей школѣ, гдѣ былъ онъ сторожемъ, оставаться не хотѣлось, хотѣлось свѣта, тепла и людей, поболтать о войнѣ и о своемъ житьишкѣ, онъ вспомнилъ какъ плелся къ солдаткѣ Анисѣ, торговавшей спиртомъ, гдѣ всегда можно было выпить, съѣсть трощающую на сковородѣ верещагу и поболтать съ кѣмънибудь изъ присутствующихъ. «Э, у Анисьи всегда народъ», говорилъ онъ себѣ подходя, весь промокшій, къ дому солдатки.

Не ошиблось сердце Кузькино: Силантій, работникъ церковнаго старосты, немного возбужденный вышитымъ спиртомъ говорилъ что-то тремъ мужикамъ, въ которыхъ Кузька безъ труда узналъ контрабандистовъ, онѣмцѣ и въ свою рѣчь часто вставлялъ слово «варнакъ Вильгельмъ» Ну, будетъ дѣло, рѣшилъ Кузька при видѣ контрабандистовъ, заливавшихъ спиртомъ всю волость.

«А, Кузя, пришло!» вскричалъ рыжіи мужикъ «давай-ка помоги намъ всприснуть нашу удачу, пей, не жалѣй, спиртъ свой, выпьешь здѣсь-привеземъ, безъ спирта не оставимъ. хоть сегодня съ корчемниками и пришлось немного изъ ружьишка побаловаться а все-таки спиртъ привезли, и снова весело трещавшая верещага, разбавленный спиртъ и безконечный разговоръ заплетающимися языками о войнѣ, нѣмцахъ и о своемъ сѣренькомъ деревенскомъ житьишкѣ, подъ звуки жалобнаго вѣтра и немолчныя слезы кого-то оплакивающихъ небесь.

Ужъ пропѣли вторые пѣтухи когда онъ съ Силантьемъ покидалъ гостеприимный кровъ кабачка, оставляя однихъ контрабандистовъ.

„Однако, идти къ Анисѣ и выпить стаканчикъ за тридцать коп.,“ быстро рѣшилъ онъ и поспѣшно зашагалъ къ виднѣвшейся на косогорѣ немного вросшей въ землю избушкѣ. Контрабандисты, собравшіеся сегодня-же отправиться разносить свой грузъ, уже закусывали и Кузька охотно согласился раздѣлить компанью по первому приглашенію.

И текла ихъ рѣчь, далекая отъ интересовъ и тревоженней жизни контрабандиста, не думскія рѣчи министровъ, не слова дипломатовъ, ни какъ не могущихъ рѣшить какой-либо запутанный вопросъ, а сѣрая, мужицкая рѣчь, гдѣ не было запутанныхъ положеній, такъ какъ все рѣшалось быстро и на все появлялись отвѣты; еще и бутылка не была опорожнена и похмѣлье Кузькино не прошло: еще дрожали мелкой дробью его руки какъ въ избѣ у вбѣжала запыхавшаяся хозяйка и крикнула: „Ироды, бросайте все, идутъ!» и поспѣшными руками бросила бутылку за окно, убрала стаканы, удивленный Кузька ослобенель не зналъ что дѣлать не видѣлъ какъ скрылись его собутельники, онъ пришелъ въ себя только тогда, когда изба наполнилась народомъ, впереди котораго шелъ староста и встретившись съ Анисьей началъ ее спрашивать, пылливо смотря въ ея лицо! „У тебя былъ вчера Силантій?— „Нѣтъ, Митричъ, не былъ“, «Вретъ, вретъ“, прервалъ церковный староста, „вчера, какъ получилъ у меня расчетъ, такъ сюда и направился, здѣсь мое сало, здѣсь, Митричъ!»

«Да Анисья обыскъ у тебя придется произвести, некуда салу деваться: никто его въ селѣ, кромѣ тебя не купитъ», сказалъ немного нерѣшительно староста, «Давай сало, показывай гдѣ». Ему не хотѣлось приступить къ обыску, такъ какъ онъ зналъ, что кромѣ сала у Анисьи найдется и еще что-нибудь, за что ей

сильно можетъ влетѣть и, такимъ образомъ, закроется это единственное въ селѣ мѣсто, куда можно прійти и прокоротать время; самъ староста, довольно обстоятельный мужикъ, частенько заходилъ сюда, чтобъ провести нѣсколько медленно-тянущихся, вечернихъ часовъ; но Анисья, сперва испугавшаяся обыска, въ слѣдующія мгновенія оправилась, страхъ мимолетно оковавшей ее, какъ-бы испарился и она съ рѣшительностью начала отвергать слова церковнаго старосты: „Вотъ лопни я на этомъ мѣстѣ, пускай меня накажутъ святые угодники и Микола милостивецъ, ежели сало у меня», она говорила это захлебывающимся голосомъ, торопливымъ, доходившимъ порою въ такія высокія ноты, что не знавшему ее человѣку она могла показаться кликушей.

„У ней, Митричъ, сало, куда дѣвать подлецу Силантію два пуда, знамо у ней“, настаивалъ церковный староста.

Вся злость пришла къ сердцу Анисьи и она набросилась на Онуфрія. (такъ звали церковнаго старосту) плюгаваго, плѣшиваго старичка, страшнаго сутягу, старавшагося отовсюду изъ всѣхъ дѣлъ и всѣхъ людей съ которыми онъ встрѣчался, извлечь какуюнибудь выгоду, и Онуфрій бывалъ у Анисьи, но самъ никогда не платилъ и все старался сдѣлать на „шаромыжку“.

„Да подавиться тебѣ саломъ, Плѣшива Анна (прозвище Онуфрія), пусть застрянетъ оно у тебя въ горлѣ, ищи, окаянный извергъ, ищи», кричала Анисья, подступая озлобленная къ Онуфрію, — «Что ты базлаешь, знаю у тебя сало, Митричъ, ищи!»

И Митричъ, думая, что у Анисьи нѣтъ ничего, приступилъ съ понятными и десятскими къ поискамъ исчезнувшей у старосты кадушки съ двумя пудами свиного сала. Точно бисерную булавку искалъ Митричъ кадушку съ саломъ: и подушки, и сѣнникъ и одежда въ нѣсколько минутъ были перерыты; внимательно просмотрѣны всѣ горшки, заглянули въ печь и на печь—нигдѣ сала не было. Покончивъ съ избой, обыскъ направился по клѣткамъ и чуланамъ и вездѣ суетливый «Плѣшивая Анна» осматривалъ все самъ, но сала не было нигдѣ, хотя всѣ закоулки были осмотрѣны, осунувшійся отъ злости и пропажи сала Онуфрій злыми глазами обводилъ всѣ помѣщенія, стараясь припомнить не забыли-ли что осмотрѣть. «А чердакъ, на чердакѣ мое сало» и стремглавъ бросился по шаткой лѣстницѣ на приковавшей всѣхъ своей таинственностью чердакъ.

„Митричъ, понятые, десятскіе сюда!“, кричалъ Онуфрій съ чердака и всѣ нехотя потянулись туда: глазамъ представились акуратно сложенные жестяныя банки: большія-четыреухъ угольныя, маленькія овалыныя и высокія, тонко-плоскія.

«Спиртъ», вырвалось у всѣхъ, глаза заблестѣли и впились съ тайнымъ наслажденіемъ въ эти блестящіе, жестянные предметы. Осторожно, точно боясь потерять свое родное, опускали банки на землю и строго пересчитывались. «Матушки мои, добра-то сколько», говорилъ Кузька, щуря глаза и потирая ихъ. «А сало нашель?» Подбѣжала злобная Анисья къ Онуфрію, — «нашель шарамыга несчастная, вотъ твое сало!» и съ этими словами плюнула въ лицо „Плѣшивой Анны“, ослобеневъ въ первое мгновенія отъ неожиданности, съ крикомъ „А, поскуда!“ бросился расвирапѣвшій Онуфрій на Анисью и бытъ-бы жестокому побоищу, если-бъ Митричъ съ десятскими не растащилъ дерущихся.

„Попадетъ тебѣ, баба, за спиртъ“ говорилъ онъ, оттаскивая озлобленную Анисью. „Не мой спиртъ, а Савоськи котрабандиста, выкрикивала она, тщетно сясь помѣряться силами съ «Плѣшивой Анной».

«Берите спиртъ, айда въ волость», говорилъ сторожъ беря керосиновую банку и направляясь къ волости, и тридцать человѣкъ, возбужденныхъ найденнымъ и происшедшимъ, взявши по банкѣ въ руку направилась за старостой.

Играло весеннее солнце на блестящей поверхности жести и прыгали и играли привлекая зайчики отъ нихъ по окнамъ и стѣнамъ все большее число сельчанъ, а бѣжавшія въпереди ребятишки, собравшіеся чуть-ли не со всего села, вносили страстность и важ-

ность своими звонкими, переливчатыми голосами въ случившіяся „Ставь здѣсь, пересчитывай“, торопил-ся староста, ставя въ пустую каталажку забранныя банки, совершившія длинный путь, полный приключеній и опасностей, изъ Китая въ Амурскую область.

«Вечеромъ міромъ рѣшимъ куда его дѣвать», говорилъ староста закрывая каталажку и пряча ключъ въ карманъ, широкихъ, хохлацкихъ шароваръ.

Еще солнце не закатывалось, хотя и стояло немного выше синѣющихъ, сопокъ; еще суетливые грачи и хлопотливые воробьи не закончили своей торопливой дневной возни, и звонкій пастушескій рожокъ не пригналъ съ полей нагулявшихся за день стадъ, а около волости уже собралось почти все село рѣшать трудный вопросъ—какъ быть съ найденнымъ «спиртомъ»?

Неутомимый и неровнодушный къ водкѣ Кузьма, размахивая руками и часто повторяя: «зачѣмъ портить добро», убѣждалъ въ своемъ кружкѣ мужиковъ довольно сильно убежденныхъ въ совершенной справедливости словъ Кузькиныхъ, любящихъ, какъ Кузька, не положить охулки на руку, когда дѣло шло о выпивкѣ: «Міромъ порѣшить его сообща и крыто, а выливать добро не гоже», слышались здѣсь поддакиванія. Хлопотливая «Плѣшивая Анна», предвкушая выпивку на «шарамыжку» бѣгалъ то сюда, то туда, ко всѣмъ прислушиваясь и всѣхъ настраивая «порѣшить спиртягу міромъ».

«Вылить, вылить ей!» говорили въ другихъ мѣстахъ и около этихъ мѣстъ бабы крича во все горло надрываясь, выкликивали: «Вылить, зелье, окаянное, вылить, Анисью избить, не держи». Они ясно припоминали всѣ вечера, когда пьяные мужики, возвращаясь отъ Анисьи, устраивали скандалы съ битьемъ и выгономъ ихъ съ дѣтьми на улицу и это-то еще болѣе возбуждало противъ Анисьи и заставляло проклинать ненавистный спиртъ.

«Такъ что знаете въ чемъ дѣло»,—началь появившіяся староста, „Знаемъ, знаемъ!“ закричала толпа и тутъ-же понеслись самые неразборчивыя крики, изъ которыхъ едва-едва можно уловить слова: «Міромъ выпить! вылить! Добро портить!» и среди поднявшагося крика дисканты и альты бабъ, властвуя надъ жужжащими басами съ возгласами и поднятыми кулаками, звенѣли «Разбить! вылить!» Староста сдѣлалъ взмахъ рукой и замолкло постепенно море голосовъ. «Пить не позволяя, такъ что война, да и приставъ узнаетъ, вылить! десятскіе бейте объ уголъ! И акуратно сложенные банки, будто нахмуренно задумавшіяся надъ своей печальной участью, были схвачены посѣшными руками, размахивались, бросали жестью въ толпу прощальный привѣтъ, ударялись объ уголъ и откидывались въ сторону. Толпа загудѣла, завывала, закричала и бросилась къ мѣсту смерти банокъ; спиртный запахъ окуталъ толпу, разбудилъ дремавшіе аппетиты и отбрасываемыя въ сторону банки поспѣшно подхватывались, переходили изъ рукъ въ руки, отнимались другъ у друга и окончательно опорожненные отбрасывались толпой. Дерущееся стадо животныхъ, кричавшую, визжащую массу представляла толпа до тѣхъ поръ, пока продолжались звуки разбиваемыхъ банокъ.

«Околѣть бы вамъ, изверги несчастные», кричали бабы, внося большую возбужденность и страстность въ погонѣ за остатками дурманящаго напитка.

Покачиваясь и ругая кого то невидимаго и неизвѣстнаго, расходились мужики по селу, размахивая руками и показывая кулаки, а за ними, на почетельномъ разстояніи, толпясь въ кучу, шли бабы, кость Анисью и мужиковъ, которые уже «успѣли налить зенки»; и затихла поляна на которой за нѣсколько минутъ шумѣла, волновалась и жаждала ненасытная толпа, только неугомонный Кузька, «Плѣшивая Анна» да заштатный дьячекъ Епидофѣръ, сидя около лужи спирта, сосали его черезъ ссломинки; «Плѣшивая Анна» былъ радостенъ и отрываясь отъ соломинки, тыча себя въ грудь, твердилъ дьячку: «Я это братъ, я нашель». Дьячекъ же лежа на животѣ и тыча соломинкой въ болѣе глубокія ямки, одобрительно отзывался: «Угу!» Вскорѣ дьячекъ и «Плѣшивая Анна», обнявшись и пошатываясь, побре-

ли, дьячекъ дребезжающимъ голосомъ выводилъ, «Вечерній звонъ, вечерній звонъ», а «Плѣшивая Анна», невпопадъ и не въ тонъ выводилъ: «Донъ, Донъ!»

Кузька, оставшіяся около лужи, лежалъ съ закрытыми глазами, и едва внятно бормоталъ: «Добро то, добра-то, пропало!»

Пурпурныя лучи заходящаго солнца отражались на ласково-синѣющихъ небесахъ; слетали задумчивые, весенние сумерки; молодой серпъ серебряннаго мѣсяца обходилъ дозоромъ землю; серьезно и дѣловито перекликались коростели; гдѣ то близко, за зеленѣющими огородами хриплая гармонія играла залиvisto «Подгорную», слышались присвистыванія и молодой женскій голосъ задорно разливался:

„Снѣжки бѣлы, снѣжки бѣлы,
Безъ огня растаяли,
Всѣхъ хорошенькихъ забрали,
Шантрапу оставили...“

И далеко-далеко разносились въ вечеряющей тишинѣ розухабистыя пѣсни, несясь по безбрежнымъ полямъ и лѣсамъ засыпающей природы.

Викторъ Снѣжинъ.

Письма солдатъ Сибиряковъ и Амурцевъ

Изъ дѣйствующей арміи.

14 апрѣля 1916 г.

..... Посылку вашу я получилъ вчера, за которую тысячу разъ благодарю. Эта посылка доказала мнѣ, лучше всякихъ словъ, вашу любовь и заботу обо мнѣ.—Все, что въ ней наложено—могла положить только заботливая рука брата. Я могу ручаться головой, что ни одинъ солдатъ на здѣшнихъ позиціяхъ и въ окопахъ не получалъ такой посылки. Это не то, что обыкновенно посылаютъ солдату, мнѣ приходилось видѣть много разъ, какъ вскрывали посылки,—всѣ были почти одинаковы, хотя получались изъ разныхъ губерній. Ничего не увидишь такого, что хотя бы немного было пригодно въ нашей походно—боевой жизни, кромѣ табаку. Полфунта—фунтъ конфетъ (простой карамели), столько-же пряниковъ, орѣхи, подсолнечныя «семечки» 2-3 пачки папирозъ да домашняго изготовленія бисквиты—галеты, которые всегда вызываютъ гримасу кислую на лицѣ, на такіе гостинцы, какъ орѣхи и семечки солдатъ и смотрѣть грѣшно и оскорбительно,—это дѣтская забава... Ужъ лучше-бы деньгами посылали, что стоило-бы отправителю гораздо дешевле, а почтѣ было-бы легче.

Этой пакости можно и здѣсь купить сколько угодно и дешево.

Однако солдаты бываютъ рады и такимъ гостинцемъ и какъ еще гордятся получкой посылки долго ожидавшейся изъ дому. Рады посылкѣ и гордятся получкой ея потому, что видятъ, что ихъ дома не забыли и заботятся всетаки, по своему, о нихъ, а на качество гостинцевъ ужъ не смотрятъ.

Еще разъ благодарю за вашу посылку. За каждую вещь отдѣльная благодарность,—это такія все вещи, что необходимы въ походной жизни. Я буду хранить ихъ какъ драгоценность,—это залогъ вашей любви и заботы ко мнѣ.

Благодарю Сою за кисеть. Хотя я и не держу табака въ кисетахъ, но этотъ кисеть буду хранить до послѣдняго часа, какъ самый драгоценный подарокъ, а тебя дорогой братъ благодарю за все, что ты прислалъ—это все-тѣ самыя вещи въ которыхъ здѣсь чаще всего приходится нуждаться, а въ особенности, книжки... Теперь у меня цѣлая библіотека—есть чемъ разгонять скуку, такъ-же и табакъ, котораго достать здѣсь очень трудно да и все, присланное тобой, здѣсь слишкомъ дорого. Что ты прислалъ, кромѣ книжекъ, того не накупишь здѣсь на пять рублей.

Живу я пока, славу Вогу, здоровъ. Погода установилась у насъ хорошая, ясная. Земля начинаетъ

подсыхать. На сердцѣ становится веселѣе и ржа (грязь болотная, налипшая на одежду за время весенних ненастій) начинает отставать, а до сего времени она сидѣла на мнѣ толстымъ слоемъ.

Къ намъ ежедневно летаютъ нѣмецкіе аэропланы, но наша артиллерія ихъ прогоняетъ, они „изъ этой бутылки не пьютъ“ и удираютъ сломя голову, сбрасывая иногда, на скорую руку бомбы, и, почти всегда безрезультатно.. извѣстно «швабы» и попасть то, какъ слѣдуетъ, не умѣютъ. Да и говорить то про нихъ, даже, не хочется, хотя они что-то еще и воображаютъ о себѣ, тоже думаютъ, вояки... они вояки съ бабами да и то не совсякими,—сибирскимъ бабамъ дать бы ихъ въ руки. тѣ имъ „глаза повыскребали бы“....

Иннокентій Новиковъ.

Примѣчаніе: Въ посылкѣ, за которую благодарить авторъ этого письма, были вложены слѣдующіе предметы: Табакъ махорка. папирсы 2-го сорта, мыло простое для бѣлья и туалетное, нитки суровыя, иглы штопальныя, шило, сахаръ, платки носовыя, бумага курительная и почтовая, конверты, карандаши, сушки сдобныя, чай и немного конфетъ да штукъ 50 книжекъ изданія „Посредника“ отъ полъ копѣйки до 3 коп. всего на 3 р. съ копѣйками.

Сообщаемъ это для того, чтобы читатели знали, въ какихъ вещахъ «чаще всего приходится нуждаться нашимъ воинамъ на боевыхъ позиціяхъ».

Необходимыми вещами являются, конечно, еще и рубахи, кальсоны, портянки, дратва, кожа для починки сапогъ, набрюшники (не вязаные), перевязочные матеріалы и мы совѣтуемъ посылать въ дѣйствующую армію только такіе предметы, а конфетъ, орѣховъ и пряниковъ солдатики и тамъ могутъ купить, только пошлите имъ денегъ на это, а деньги перевести дешевле чемъ посылать посылку, да и вѣрнѣе, такъ какъ деньги ве испортятся, не потряются, въ дорогѣ, что бываетъ часто съ посылками.

16 мая 1916 г.

..... Очень холодно. Май стоитъ такой несносный, что нѣтъ возможности выйти безъ шинели. Живемъ въ какомъ-то сараѣ и, несмотря на то, что на дворѣ май, приходится иногда, что «чоки зубаютъ» (зубы щелкаютъ отъ холода. Ред.). Вотъ и сейчасъ, пока писалъ, руки замерзли и самого цыганскій потъ пробираетъ...

А въ общемъ, дурного, кромѣ холода, ничего новостей нѣтъ.

Ин. Н—въ.

Извѣстія изъ печати.

† Е. Ф. Кудрявцевъ.

Въ Красноярскѣ 24 мая скончался журналистъ Е. Ф. Кудрявцевъ.

Покойный былъ основателемъ первой въ Енисейской губерніи газеты «Енисей».

На изданіе «Енисей» ушли каменный домъ Кудрявцева, типографія и все остальное его имущество. Въ послѣднѣе время Е. Ф. сильно бѣдствовалъ.

(.Рус. Сл.*)

Осенью прошлаго года въ Петроградъ вернулась научная экспедиція русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, которою были обследованы китайскія провинці Ганьсу и Дунь-Хуань, въ коихъ богатый и весьма цѣнный въ историческомъ отношеніи матеріалъ дали пещеры, извѣстныя подъ названіемъ «Тысячи Буддъ», при чемъ экспедиціей найденъ древній деревянный китайскій шрифтъ и собранъ богатѣйшій матеріалъ по исторіи буддизма и китайской живописи.

Кромѣ того, экспедиціей было сдѣлано болѣе 1300 фотографическихъ снимковъ. Немедленно-же, по возвращеніи экспедиціи, комитетъ приступилъ къ производству строгой систематизаціи всѣхъ добытыхъ ею предметовъ культа и домашняго обихода, относящихся къ пятнадцати столѣтіямъ китайской культуры, начиная съ пятого вѣка до Р. Хр.

По окончаніи работъ по систематизаціи Комитетъ предполагалъ открыть выставку подъ названіемъ «1500 лѣтъ культуры» однако въ періодической печати извѣстій объ этой выставкѣ, до сего времени, не было.

Нужно изучать Японію.

Императорское Общество Востоковѣдѣнія въ Петроградѣ Японскаго отдѣла, члены котораго имѣютъ посвятить свои силы специальному изученію Японской страны.

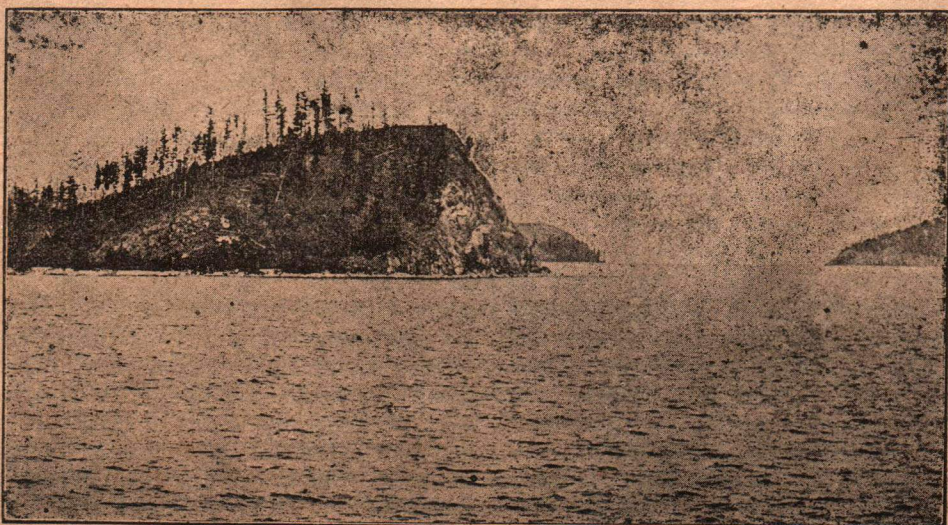
Всѣмъ намъ памятна русско-японская война и прогремѣвшая въ свое время на весь свѣтъ брошюра французскаго корреспондента, друга Россіи, Людовика Ноде подъ заглавіемъ «Они не знали».

Брошюра эта съ поразительною реальностью обрисовала въ свое время ту степень невѣдѣнія, которое проявила въ японскихъ дѣлахъ Россія.

Мы не знали прошлаго Японіи, не знали ея настоящаго, не были осведомлены въ ея военныхъ силахъ и ошиблись въ расчетъ ея финансовъ, дали промахъ въ оцѣнкѣ способности японцевъ выносить холодъ и не имѣли понятія о томъ, какъ подготовлены они къ условіямъ борьбы въ Маньчжуріи, не приняли въ соображеніе степени образованности и развитія японскаго солдата и оказались совершенно ошеломленными неожиданностью проявленнаго японцами патріотизма, не знали японскаго языка, не умѣли ни читать ни писать по японски.

Мы не можемъ сказать, чтобы и сейчасъ русскіе были осведомлены въ японскихъ дѣлахъ пропор-

Виды Сибирскаго и Дальняго Востока.

Островъ Култэгей на озерѣ Байналь.

ціонально съ тѣми широкими задачами, которыя жизнь намѣчаетъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, но, во всякомъ случаѣ, за 11 лѣтъ протекшихъ со времени русско японской войны, нами кое что сдѣлано.

Самое главное сдѣлано то, что японскій языкъ и японовѣдніе стали предметомъ болѣе обширнаго изученія.

Восточный Институтъ во Владивостокѣ продолжаетъ свою работу по изученію Японіи, но къ нему присоединились за эти десять лѣтъ и Восточный факультетъ Петроградскаго университета, и практическая Восточная академія, и Кіевскій коммерческій институтъ и Харбинское коммерческое училище.

Всѣ эти школы создали уже значительный контингентъ лицъ, спеціально занимающихся изученіемъ Японіи, что и даетъ нынѣ возможность Императорскому Обществу Востоковѣднія открыть японскій отдѣлъ.

Изученіе Японіи представляетъ собою, несомненно, одну изъ интереснѣйшихъ отраслей въ области востоковѣднія.

Всѣмъ извѣстно, какъ быстро выросла Японія изъ незначительнаго государства въ великую державу.

Въ послѣдніе годы мы являемся свидѣтелями установленія самыхъ дружественныхъ отношеній между Россіей и страной восходящаго солнца, и это обстоятельство должно побудить насъ еще съ большимъ усердіемъ обратиться на нее вниманіе и отдавать свои силы ея изученію.

Будущее же Японіи и Дальняго Востока, несомненно, чревато самыми большими событіями.

Профессоръ географіи въ Ливерпульскомъ университетѣ Роксби въ произнесенной въ 1915 году въ Лондонѣ лекціи сказалъ, что въ настоящее время на Дальнемъ Востокѣ уже ясно намѣчаются задачи и явленія, экономическія и политическія, угрожающія воздѣйствовать черезъ 20-30 лѣтъ, а можетъ быть, и скорѣе, страшное столкновение государственныхъ интересовъ.

Столкновение это, могущее выразиться въ такой же войнѣ на Востокѣ, какая свирѣпствуетъ теперь въ Европѣ, можетъ быть, по мнѣнію Роксби, предотвращено и предупреждено только самымъ тщательнымъ изученіемъ положенія Дальняго Востока со стороны Европы и Америки.

Сношеніе между Европой и Америкой, съ одной стороны, и Дальнимъ Востокомъ съ другой, несомнѣнно, создадутъ цѣлый рядъ самыхъ серьезныхъ задачъ, съ которыми міру придется считаться въ половинѣ текущаго столѣтія.

Если это такъ, то, добавимъ мы, русско-японскія отношенія, русско-японская дружба Ознаменовавшаяся заключеніемъ союза, должны будутъ играть при разрѣшеніи этихъ задачъ одну изъ самыхъ первыхъ ролей.

Вотъ почему намъ необходимо самое тщательное широкое и упорное изученіе Японіи. Вотъ почему нужно привѣтствовать инициативу Императорскаго Общества Востоковѣднія въ попыткѣ объединить лицъ, интересующихся Японовѣдніемъ и вести ихъ работы въ единое цѣлое. Изученіе имѣетъ колоссальное государственное значеніе для Россіи и чѣмъ правительствомъ и обществомъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ курсъ русской экономики и политики на Дальнемъ Востокѣ, а мы, жители Русскаго Дальняго Востока, какъ сосѣди Японіи будемъ болѣе спокойно чувствовать себя.

(Ред.) „В. С.“

Ислѣдованія, обслѣдованія и изученія.

*) Главнымъ комитетомъ Всероссийскаго Союза городовъ командированъ для обслѣдованія санитарнаго положенія сибирскихъ городовъ докторъ М. С. Тарасенко, который, по словамъ „Иркутск. Жизни“ уже прибылъ въ Иркутскъ.

*) Горный инженеръ Степановъ, помощн. начальника дорожно-меліорационныхъ работъ въ Амурской области, въ скоромъ времени выѣзжаетъ, для ислѣдованія минеральныхъ источниковъ въ окрестностяхъ

восточной части Амурской жел. дороги и въ Хинганѣ.

*) Шлихи съ приисковъ Нижне—Селѣмджин. Товарищества, по опробованіи въ Томскѣ золотосплавочной лабораторіей, показали наибольшую радиоактивность изъ всей массы образцовъ собранныхъ со всѣхъ приисковъ Сибири. На прииска т—ва, въ первыхъ числахъ іюня, прибылъ лаборантъ Томской золотосплав. лабораторіи для ислѣдованія радиоактивности породъ.

Киргизская литература.

Копальскіе богачи киргизы Туребековы назначили премію въ 2000 рублей за хорошій романъ на киргизскомъ языкѣ.

На соисканіе преміи объявилось 9 кандидатовъ, написавшихъ 9 романовъ. Текущимъ лѣтомъ на извѣстной въ степи Куяндинской ярмаркѣ жюри изъ образованныхъ киргизовъ Семипалатинской области будутъ рассмотрены рукописи романовъ, причемъ члены жюри не будутъ знать фамилій авторовъ романовъ. Только по присужденіи преміи за лучший романъ будетъ названъ авторъ этого романа. Члены жюри съѣдутся на Куяндинскую ярмарку изъ разныхъ мѣстъ Семипалатинской области.

Этого совѣщанія въ степи ждутъ съ большимъ интересомъ.

(В. С.)

Передъ грозой.

Разсказъ изъ П.-Артурской жизни.

Въ гору, на пути къ дачнымъ мѣстамъ, задумчиво тихой походкой шелъ молодой человекъ. Моросившій дождичекъ ранней весны Артура, липкая грязь толстыми пластами пристававшая къ обуви, и угрюмый видъ мѣстности, казалось гармонировали его настроенію; забрызганное грязью пальто, формой своей, изобличало въ немъ одного изъ капитановъ торговаго пароходства компаніи „Гинзбургъ“

Онъ шелъ, не обращая вниманія на изрѣдка попадавшихся встрѣчныхъ, покручивая свои, какъ смоль, черные, красивые усы и опустивъ на грудь голову, казалось — обдумывалъ вопросъ жизни и всецѣло ушелъ въ свои думы.

— Здравствуйте, Алексѣй Михайловичъ! Что Вы, батенька не міровой—ли вопросъ рѣшаете?! Проговорилъ скороговоркой идущій на встрѣчу молодому человеку капитанъ второго ранга, протягивая ему руку.

— А?! Что, Вы? Какъ—бы очнувшись, проговорилъ тотъ,—Здравствуйте, Николай Александровичъ!

— Вы куда это въ такую грязь?

— Иду въ свое холостяцкое гнѣздышко; чтобы отъ бурныхъ волнъ океана найти мирное пристанище и встать на якорь. Стараясь улыбнуться сказалъ Алексѣй Михайловичъ.

— Ну! едвали бы Вы пошли въ свою бухточку если—бы она была дѣйствительно холостяцкая!

— Погода скверная, настроеніе прямо таки осеннее;—вотъ времячко!.... Перемѣнилъ разговоръ Алексѣй Михайловичъ.

— Съ волками жить,—по волчьи выть, батенька,—нужно привыкать къ картинкамъ Артура; посмотри: насъ старожилость и грязь—то щадить—не льнетъ какъ къ вамъ.

— А кстаги, что у васъ новенькаго? Не идете въ отрядѣ отправки японцевъ?

— Нѣтъ! это было одно предположеніе;—японцами присланы транспорта, навѣрное всѣхъ сразу и вмѣстятъ.

— Ну, а что у васъ слышно относительно войны? Въ штабѣ навѣрное есть что нибудь официальное, разъ уже выселяютъ японцевъ?

— Право, достовѣрнаго ничего не могу сказать, и меня это выселеніе интересуеетъ. Сегодня думаю узнать въ штабѣ командующаго.

— Вы теперь туда?

— Да! назначили на одинъ изъ миноносцевъ; иду узнать: скоро-ли придется начать шахматную игру съ господами японцами?....

— Поздравляю!

— Ну! всего хорошаго,—спѣшу...

— До свиданія!

— Вы не заглянете къ намъ къ обѣду Алексѣй Михайловичъ?

— Благодарю Васъ! Но, едва-ли, я страшно измучился.

— Ну, по трудамъ и награда! раскланиваясь издали, проговорилъ Николай Александровичъ.

— Ну, кому какое дѣло вмѣшиваться въ чужую жизнь? Да и кто далъ имъ право рыться въ чужомъ сердцѣ? Подумалъ Алексѣй Михайловичъ шагая въ гору.

Повидимому послѣдніе слова капитана задѣли болезненное мѣсто его души и онъ опять еще ниже опустил голову и, поднявъ воротникъ, прибавилъ шагу.

Въ уютной, съ скромной обстановкой, комнатѣ, у стола сидитъ молодая дѣвушка. Европейскій костюмъ, плотно облекая ея маленькое тѣло, дѣлаетъ ее на видъ тринадцати—пятнадцати лѣтней дѣвочкой бѣлой расы; но черты ея лица изобличаютъ въ ней японку. Низко наклонившись къ столу она повидимому плакала; ея смугловатое миловидное личико носило отпечатокъ слезъ.

— Оса-Сисанъ! Вамъ письмо!

— Нани?-Поднявъ голову спросила дѣвушка по японски, у принесшей письмо пожилой женщины-кухарки.

— Вамъ письмо!—повторила та, подавая конвертъ и удаляясь. Оса-Сисанъ съ лихорадочною поспѣшностью схватила письмо и разорвавъ японскій, продолговатой формы, конвертъ, стала нараспѣвъ читать. По мѣрѣ чтенія лицо ея принимало отпечатокъ отчаянія и, наконецъ, у ней изъ глазъ брызнули слезы и она, прочитавъ письмо, въ отчаяніи разорвала его на куски и, опустивъ на руки голову, зарыдала. Въ это время раздался звонокъ. Оса-Сисанъ бросилась навстрѣчу,—знакомому уже намъ Алексѣю Михайловичу.

— Реса! Реса!—Не выговаривая по русски слова „Алеша“; плача и смѣясь въ одно время, дѣвушка бросилась въ его объятія.

— Осочка, погоди!—легонько отстраняя и цѣлуя ее, проговорилъ Алексѣй Михайловичъ.—Я мокрый Осочка, дай раздѣться!

— Моя, моя давай!—вырывая изъ рукъ у него пальто, лепетала дѣвушка и повѣсивъ его на вѣшалку, снова бросилась въ объятія капитана.

— Милая, добрая дѣвочка! Ты рада мнѣ? Ты одна у меня: радость, жизнь и счастье!... Взявъ ее на руки, какъ ребенка и цѣлуя въ полуоткрытый ротикъ, страстно шепталъ Алексѣй Михайловичъ, входя въ комнату и садясь на диванъ.

— Ты не ждала меня Осочка?

— Нѣтъ Реса! я жди, жди много, много: сегодня жди, завтра жди.—Реса нѣту, все нѣту...

— Некогда было Осочка; но теперь я буду съ тобой, не уйду отъ тебя моя дѣвочка; долго, долго не уйду...—Ты плакала Осочка? О чемъ? что за горе у тебя моя голубка? Или ты уже не любишь меня Осочка?...

— Реса! зачѣмъ твоя обижаетъ меня? твоя знай, что я много, много любви моя Реса! Моя мирый Реса! крѣпко прижимаясь къ нему, лепетала дѣвушка, отвѣчая на его поцѣлуи.

— Тебя обидѣлъ кто Оса?

— Нѣтъ Реса! сюда ходи Оки-Куса... Твоя знай ее Реса,—дѣвушка?...

— А! знаю, знаю Оса; ну и что она говорила тебѣ?

— Она говори: что наша японки ходи Японія; Артуръ ходи наша парохода; скоро будетъ война... Моя мамушка зови домой. И дѣвушка разплакалась.

— Ну, Оса! зачѣмъ-же плакать? моя милая... цѣлуя ея заплаканное лицо, говорилъ Алексѣй Михайловичъ,—это Оса еще преждевременно, - войны нѣтъ да, можетъ быть, и небудетъ.

— А наша ходи Японія. Русски говори: „ходи, ходи Нипонъ Японія!“

— Ну это одна предосторожность, Оса; русскіе

добрые, они не хотятъ подвергать васъ опасности и, чтобы долгое время, во время военныхъ дѣйствій, не лишать родины, отправляютъ домой. Успокойся Оса! я завтра узнаю все вѣрно и скажу тебѣ; а войны не будетъ Оса...

— Ну не права-же Реса! Я получила сегодня письмо; мой папа пиши: „Оса-Сисанъ! Наша ходи бери Артуръ...“

— А гдѣ письмо? улыбаясь на ея лепеть, спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Я рви письмо.

— И ты Оса хочешь ѣхать въ Японію? и бросишь меня одного здѣсь? Оса, Оса!...

— Да Оса, у тебя есть папа, мама, своя страна, домъ; тебя и влечетъ къ нимъ. Да, ты права Осочка, а у меня нѣтъ ни кого и ничего,—ты одна замѣнила мнѣ все это; вмѣсто ихъ я тебѣ одной отдалъ мое сердце; тебѣ, чуждой мнѣ цо крови, вѣрѣ и происхожденію и ты Оса хочешь оставить меня и ты не любишь меня на столько, на сколько своихъ родныхъ и свою родину? Да и опять ты права Оса, мнѣ, до сего времени, не знакомо было чувство любви къ родинѣ, такъ какъ я не зналъ ее, но теперь я понимаю и не удерживаю тебя, Оса. Господь съ тобой! я не въ правѣ удерживать тебя — поѣзжай!

Дѣвушка истерически зарыдала.

Алексѣй Михайловичъ засуетился, бережно уложивъ ее на диванъ, онъ позвонилъ явившейся кухаркѣ приказавъ подать холодной воды, самъ сталъ тереть одколономъ виски Осы—Сисанъ. Послѣ нѣсколькихъ глотковъ воды дѣвушка успокоилась, но все еще захлебываясь слезами лепетала:— „Реса, Реса! за что, за что? я любви, любви твоя, я любви папа, мамушка любви но твоя любви, много, много. Реса не надо война,—война нѣтъ, моя Японія ходи нѣту. Реса твоя не понимай...“

У Алексѣя Михайловича у самого спазмы сдавили горло и онъ поспѣшно ушелъ въ смѣжную комнату.

Только что пережитый моментъ страшно взволновалъ его и онъ ходя большими шагами думалъ, думалъ и думалъ. Ему вспоминалась вся его скитальческая, полная лишений, жизни.

Отецъ его изъ Чехій эмигрантомъ прибылъ въ Америку, но борьба за существованіе скоро свела его въ могилу, а вскорѣ за нимъ и мать. Маленькій Валекъ остался на попеченіи чуждыхъ ему людей, въ чуждой-же странѣ. Вспоминая періодъ своей жизни до шестнадцати лѣтъ онъ содрогнулся.

Затѣмъ онъ видѣлъ себя юнгой на американскомъ торговомъ пароходѣ, плывущемъ въ Артуръ. Затѣмъ въ Артурѣ, обласканнымъ принятымъ добрыми людьми какъ родной и благодаря стараньямъ этихъ добрыхъ людей онъ видитъ себя слушателемъ мореходныхъ классовъ, изъ которыхъ онъ вышелъ со званіемъ штурмана дальняго плаванія. За все это, онъ, всемъ своимъ существомъ, отдался пріютившей его странѣ, полюбилъ и принялъ ея вѣру, получивъ имя Алексѣй—вмѣсто „Валекъ“ и отчество, по имени благодѣтеля, принявшаго его и ставшаго ему вторымъ отцомъ. Потомъ онъ становится капитаномъ на одномъ изъ пароходовъ компании «Гинзбургъ».

Годъ тому назадъ, на обратномъ рейсѣ изъ Нагасаки въ Портъ-Артуръ, онъ, на своемъ пароходѣ, стоя ночью на ютѣ, увидаль дѣвушку-японку, покушавшуюся броситься въ море. Она уже была на борту и не успѣй онъ схватить ее въ этотъ мигъ она навѣрное бросилась-бы. Онъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ нея и схватилъ ее въ беремъ, Дѣвушка отчаянно отбивалась, царапая ему лицо. Кое-какъ удалось капитану успокоить ее. Унеся ее въ свою каюту онъ посадилъ ее на диванъ, предложилъ чаю и, немного зная японскій языкъ, началъ спрашивать: что побудило ее броситься въ море? Выяснилось, что въ нецивилизованной средѣ японцевъ не считается позорнымъ отдавать дѣвушекъ въ публичные дома, а на оборотъ: они получаютъ тамъ какъ-бы подготовку для будущей брачной жизни, принося матеріальную поддержку своимъ родителямъ и себѣ. Но, это было противъ воли Осы—Сисанъ, она просила, плакала, но ее отправили насильно. И вотъ, чтобы избавиться отъ нежелательной торговли своимъ тѣломъ, она рѣшилась на послѣдній шагъ.

Алексѣй Михайловичъ успокоилъ ее говоря: что не позволить отдавать ее въ руки спекуляторовъ живого товара, а если она пожелаетъ, возьметъ ее къ себѣ въ домъ; не для постыдной приходи, а чтобы дать ей возможность скопить свое приданное; что она будетъ жить у него независимо, въ его квартирѣ съ служанкой доброй Маврой. Дѣвушка послѣ долгихъ колебаній подняла полный благодарности взглядъ и кивкомъ головы изъявила свое согласіе.

Послѣ этого, попросивъ къ себѣ ее и сопровождавшихъ ее японцевъ, онъ объявилъ имъ свое рѣшеніе и съ ея письмомъ вручилъ имъ сумму денегъ для передачи ея родителямъ и заплативъ имъ „за комиссію“—взялъ у нихъ ея документы.

Никогда не забудетъ онъ взглядъ, полный слезъ и благодарности, ея черныхъ невинныхъ глазъ. Этотъ взглядъ заставилъ его отдать дѣвушкѣ все и самого себя отдать ей—же.

Съ тѣхъ поръ Оса-Сисанъ поселилась у него. Поручивъ ее своей кухаркѣ Маврѣ, женщинѣ доброй и сердечной, онъ три мѣсяца не видалъ ее, находился въ плаваніи по торговымъ портамъ.

Вернувшись черезъ три мѣсяца и увидавъ ее, онъ встрѣтилъ тотъ-же взглядъ, но болѣе зрѣлый и довѣрчивый онъ рѣшилъ всю жизнь свою посвятить ей и для нея.

Въ ней,—дѣвушкѣ полудикаркѣ, онъ нашелъ и родныхъ и близкихъ; родину онъ нашелъ, ихъ не доставало и она дала ему ихъ: въ чуждомъ, чуждомъ соединясь, составило ему полное счастье.

— Реса!—раздался голосъ, который привелъ его къ дѣйствительности и онъ, какъ безумный, бросился на этотъ голосъ. На порогъ комнаты стояла Оса-Сисанъ улыбающаяся и живая какъ ребенокъ. Онъ схватилъ ее на руки и сталъ страстно цѣловать шепча: „Оса, Оса моя, моя Оса! я не отдамъ, никому не отдамъ...“

— Ой! Реса. Якимасъ! беуки, беуки Реса! Якимасъ —Лепетала дѣвушка, страстно прижимаясь къ нему и отвѣчая на его ласки.

Прошло три дня. Гроза покрыла ясный горизонтъ жизни въ уютной квартирѣ, заразивъ своимъ электричествомъ ея атмосферу.—Война неизбежна. Сегодня были родители Оса-Сисанъ и, не смотря на все увѣщанія, просьбы, обѣщанія вознагражденія, категорически отказались оставить ее въ П.-Артурѣ.

Щадя родительскія чувства, Алексѣй Михайловичъ не сталъ прибѣгать къ какимъ бы то ни было уловкамъ, чтобы оставить у себя Осу-Сисанъ, темъ болѣе, что и она, любя своихъ родителей и родину, только изъ страстнаго обожанія къ нему, приносила жертву самоотверженія отказываясь слѣдовать за родителями. Онъ видѣлъ въ ней эту борьбу и рѣшилъ пожертвовать свое счастье ея спокойствію. Оставаясь съ нимъ, она-бы измучилась вдвойнѣ:—страдаая за него и за родителей.

— Реса!—умоляюще говорила Оса—Сисанъ,— поѣдемъ Нипонъ, тамъ ереси (хорошо), мой папа будетъ твой папа, моя мамушка—твоя мамушка, моя мачи (родина)—твоя будетъ. Мы будемъ тамъ счастливы, ты не будешь воевать, я буду твоя окусанъ (жена).. Мирый! Якимаку (поѣдемъ) вмѣстѣ!. Зачѣмъ ты хочешь, что-бы я тосковала? Реса! въдь ты любишь меня? ты говорилъ, что у васъ любятъ на всю жизнь... Ты и меня научилъ такъ-же любить тебя. Я люблю тебя Реса больше жизни; я полюбила твоего Бога, а ты... Реса не хочешь ѣхать со мной на Нипонъ. Тебя убьютъ тутъ Реса, когда будетъ война. Не за что убьютъ... это не твоя мачи (родина) и не русскихъ, а ты Реса и не русский... Мы поѣдемъ къ тебѣ... На твою мачи.. Но въ Артурѣ мнѣ нельзя оставаться.

— Знаю Оса, знаю голубка, но что-же дѣлать? У тебя есть родина, родители и къ нимъ влечетъ тебя чувство долга; а у меня нѣтъ ихъ. Россія дала мнѣ возможность вкусить долю счастья... эти скалы, море, дороги мнѣ, я сроднился, слился съ ними, а этотъ, вырастающій среди нихъ, городъ и этотъ, живущій въ немъ, великодушнѣйшій изъ народовъ? они дали мнѣ жизнь и счастье. Забуду-ли я ихъ? неужели измѣнить имъ въ годину испытаній?! Нѣтъ! Они да-

ли мнѣ все, имъ-же и пойдетъ оно,—это мой долгъ... Нѣтъ Оса! Нѣтъ! Я люблю тебя и всю жизнь буду любить тебя, но, не послѣдую за тобой, измѣнически покидая, для своего счастья, пріютившую меня страну. Нѣтъ Оса! Я былъ бы не достоинъ тебя, совершивъ такой поступокъ... Долгъ прежде всего... Божья воля!.. Пройдетъ гроза, опять настанутъ ясные дни, въ природѣ вновь все, еще съ большею силою, оживится; оживимся и мы Осочка!... Ты будешь любить меня; тамъ на своей родинѣ? Ты не забудешь меня и не пойдешь въ жены къ другому?...

Оса-Сисанъ, припавъ къ его груди, тихо плакала.

Молись Оса Богу, которому я училъ тебя молиться, Онъ Милостивый; Онъ дастъ намъ силы перенести это испытаніе. Я вновь вернусь, найду тебя и тогда уже никто и ни что не разлучитъ насъ.

Дѣвушка, обхватя его шею руками, рыдала вторяя: „Мирый Реса! Мирый Реса!“

Какая трудная борьба происходила въ этихъ двухъ, связанныхъ во едино несчастьемъ, молодыхъ сердцахъ? Борьба честнаго долга, хотя различнаго, съ крѣпкой страстью. Смогутъ-ли они одолѣть это тяжелое бремя? и выйдутъ-ли побѣдителями изъ борьбы? Богъ вѣсть!

* * *

Утромъ 26 января 1904 года, на Адмиральской пристани, толпились кучки народа: русскихъ и японцевъ: первые пришли просто «позѣвать», а вторые, съ вещами, дожидать портовой катеръ, чтобы, быть можетъ, навсегда, уѣхать изъ гостепріимнаго Артура.

Протискиваясь сквозь толпу, къ пристани спѣшилъ Алексѣй Михайловичъ неся на рукахъ Осу-Сисанъ, которая была одѣта въ свой національный костюмъ и не плакала, а крѣпко обхвативъ его руками, какъ-бы боясь ускорить минуту разставанья, любовно смотрѣла ему въ лицо и шептала: Реса! Мирый, Реса!..

Дойдя до пристани и не видя катера, Алексѣй Михайловичъ повернулъ къ крытой бесѣдкѣ и, не спуская съ рукъ дорогой ноши, сѣлъ на скамейку.

Раздался свистокъ катера и онъ, шипя, подошелъ къ пристани. Въ толпѣ японцевъ засуетились, къ бесѣдкѣ подошли родители Осу-Сисанъ.

Чувствуя роковую минуту, Алексѣй Михайловичъ и Оса-Сисанъ инстинктивно сжали другъ друга въ объятіяхъ и губы ихъ слились въ долгомъ, прощальномъ поцѣлуѣ.

Оса-Сисанъ, надо идти, господинъ, пустите ея! проговорилъ отецъ дѣвушки съ низкимъ поклономъ, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу. Тотъ, опомнившись, быстро обнажилъ свою грудь и снялъ крестъ, затѣмъ, крестя, надѣлъ его на шею Осу-Сисанъ; та вскрикнула и еще крѣпче прижалась къ нему...

Господа! Прошу поторопиться! громко сказалъ надзиратель порта.

Алексѣй Михайловичъ самъ занесъ на катеръ дѣвушку и хотѣлъ посадить ее на мѣсто, но дѣвушка была безъ чувствъ...

Схвативъ себя за голову, онъ, какъ сумасшедшій, бросился бѣжать къ воротамъ Порта. Вскочивъ на перваго попавшагося извозчика, онъ крикнулъ „Въ Церковь!..“ И всю дорогу бормоталъ! „Боже! дай силы, свято выполнить мнѣ свой долгъ... Все рухнуло... Боже! дай силы....“

Х. Неволя.

Кузница
И. А. Елисафенко.

Приимаетъ всевозможныя кузничныя работы,

Амурская улица уголъ Офицерской.

О Загородныхъ Экскурсіяхъ съ дѣтьми.

Записка Г. С. Новикова прочитанная на общемъ собраніи членовъ общ-ва Бесплатной Дѣтской библіотики-читальни имени Л. Н. Толстого 24 іюня.

Дѣти, сильнѣе взрослыхъ любятъ природу, они всемъ своимъ существомъ ощущаютъ влеченіе къ ней. Можетъ быть изъ чувства любознательности,—вѣдь въ природѣ такъ много интереснаго и непонятнаго для нихъ, а можетъ быть у нихъ есть инстинктивное внутреннее стремленіе къ пониманію красоты и поэзіи природы.

Взрослымъ людямъ, не знакомымъ съ чувствомъ чистой любви къ природѣ, непонятны эти дѣтскія стремленія, а желаніе ребенка «все знать» кажется надѣливымъ приставаніемъ, а потому они, часто не сознавая этого, стараются заглушать въ дѣтяхъ такія стремленія и желанія или предоставляютъ имъ самимъ разбираться въ вопросахъ являющихся предъ ними, что дѣтямъ не по силамъ и потому они постепенно отвыкаютъ интересоваться явленіями окружающей ихъ природы—чувство любознательности заглохаетъ и, ко времени возмужалости человѣка, эти благородныя инстинкты, зачатки возвышающихъ душу чувствъ, зародыши высокихъ побужденій сильно приглушаются, а часто и пропадаютъ совсѣмъ или замѣняются стремленіями къ другимъ предметамъ менѣе возвышеннымъ, а иногда и не совсѣмъ благороднымъ.

Въ задачи общества нашего, между прочимъ, входитъ устройство чтеній и бесѣдъ съ дѣтьми. Поэтому, мнѣ кажется, весьма цѣлесообразно было-бы организовать лѣтомъ рядъ загородныхъ экскурсій, во время которыхъ, на лонѣ природы, можно было-бы, и вести бесѣды съ дѣтьми о тѣхъ или иныхъ явленіяхъ природы. При организаціи такихъ экскурсій, я полагаю, слѣдуетъ придерживаться такой системы, при которой тенденція: „поучать—забавляя“ должна быть откинута, за доказанною, авторитетными данными, непригодностью ея. Нѣтъ, тутъ къ дѣтямъ не надо подходить съ поученіямъ и съ цѣлью навязать знанія, а надо лишь останавливать ихъ вниманіе подольше на такихъ явленіяхъ, которыми они сами интересуются, при чемъ ненужно сообщать дѣтямъ никакихъ „свѣдѣній“, никакихъ „знаній“, извѣстныхъ руководителю о данномъ предметѣ, кромѣ объясненій того, о чемъ будутъ спрашивать, они сами, а если дѣти заинтересованы чѣмъ-либо—они забросаютъ васъ вопросами, а если не зададутъ ни одного вопроса, то это доказываетъ ихъ равнодушіе къ показываемому. Особенно нужно останавливать вниманіе дѣтей на явленіяхъ красотъ природы. (красивыя сочетанія облаковъ, красивый полетъ бабочки, красивый ландшафтъ, пейзажъ, красивые цвѣты, кусты и т. п.) обращая вниманіе дѣтей на какое-либо явленіе или видъ достаточно сказать: „Посмотрите, какъ это красиво!“ или что нибудь въ этомъ родѣ и вы увидите по глазамъ дѣтей и по ихъ восклицаніямъ, что сердца ихъ инстинктивно начинаютъ понимать какую-то высшую гармонию, которая господствуетъ надъ всей этой красотой. Достаточно только обратить вниманіе ихъ на то или иное явленіе, подчеркнуть ту или деталь, сказать объ этомъ душевно, съ теплымъ чувствомъ въ голосъ, съ трепетнымъ восторгомъ въ груди и, пусть вы не поэтъ, пусть вы не можете выразить возвышенно все то, что чувствуете—дѣти отлично поймутъ васъ и, слѣдовательно, толчокъ, къ развитію въ нихъ способности сознательно наслаждаться красотой и поэзіей природы, уже сдѣланъ. Свободное, безкорыстное, просто эстетическое настроеніе человѣка, передъ лицомъ природы, сознательно созданное вами и сознательно воспринятое дѣтьми—стоитъ тысячи прочитанныхъ книгъ, въ которыхъ никогда не обрѣтешь драгоценнаго чувства природы. Вѣдь еще великій Песталоцци сказалъ: „Веди твоего сына къ великому зрѣлищу природы; учи его въ горахъ и въ долинахъ: Тамъ онъ легче усвоитъ уроки“.

При экскурсіи, между прочимъ, можно заняться собираніемъ растений для гербарія, ловлей насѣкомыхъ для коллекцій не привлекая сразу къ этимъ занятіямъ экскурсантовъ—они сами, даже безъ приглашенія, вызовутся помочь вамъ и тогда уже можно будетъ и разказать и показать имъ: какъ нужно собирать растения, какъ ловить насѣкомыхъ и т. д. При чемъ, однако, необходимо разъяснить, что безъ толку, только для забавы, не слѣдуетъ заниматься такими предметами, какъ коллекціонированіе насѣкомыхъ, такъ какъ неумѣлое и беспорядочное составленіе коллекціи не принесетъ ни пользы, ни удовольствія, а мукъ несчастнымъ букашкамъ, да и самому коллекционеру, сколько угодно.

Подобныя занятія на прогулкѣ не должны отнимать много времени, въ противномъ случаѣ они покажутся скучными, а скучнаго на такой экскурсіи не должно быть и поэтому, на остановкахъ должно устраивать игры, хороводы, пѣніе предоставляя дѣтямъ свободу избирать для себя развлеченія. Роль руководителя должна сводиться при этомъ только къ наблюденію за порядкомъ. Наконецъ, можно устраивать коротенькія чтенія, декламации, выбирая сюжеты изъ жизни природы и ея явленій.

Въ прошломъ 1915 году, 11 мая и 15 августа я устраивалъ загородныя прогулки съ дѣтьми, для того чтобъ узнать: можно-ли, въ будущемъ, организовать у насъ экскурсіи на началахъ, приведенныхъ мною выше. Въ первой прогулкѣ приняли участіе 22 дѣвочки и 3 мальчика, во второй 20 дѣвочекъ и 5 мальчиковъ. Ходили пѣшкомъ въ Чигиринскій паркъ, на берегъ Зеи, гдѣ занимались играми, пѣніемъ, рвали цвѣты, собирали орѣхи, пили чай, мальчики удили рыбу, я собиралъ растения и ловилъ насѣкомыхъ—дѣти съ охотой мнѣ помогали, причѣмъ дѣвочки охотнѣе собирали растения, а мальчики ловили насѣкомыхъ. Многія обращались ко мнѣ съ вопросами: „Какъ называется эта травка? Эта букарашка?“ „Не ядовиты ли они?“ „На что нужны гербаріи и коллекціи насѣкомыхъ?“ Не употребляется-ли вотъ эта травка на лѣкарство?“ и т. д. я старался удовлетворить любопытство дѣтей своими объясненіями въ тѣхъ случаяхъ когда могъ это сдѣлать, въ противномъ же случаѣ говорилъ, что мнѣ это еще неизвѣстно и что я для того и собираю эти травы и букашекъ чтобъ узнать потомъ о нихъ изъ книгъ или отъ знающихъ людей, что онѣ изъ себя представляютъ и полезны ли онѣ чѣмъ-либо или вредны. Я же, въ свою очередь узналъ отъ дѣтей мѣстныя названія нѣкоторыхъ растений и нѣсколько повѣрій и легендъ о разныхъ насѣкомыхъ и гадахъ, которыя, въ недалекомъ будущемъ, думаю опубликовать въ печати совмѣстно съ другимъ однороднымъ матеріаломъ собраннымъ мною изъ другихъ источниковъ.

Изъ результатовъ этого опыта я вывелъ заключеніе, что организація такого рода экскурсій здѣсь возможна и можетъ принести пользу не только дѣтямъ, но и ихъ руководителямъ, такъ какъ только тамъ, на лонѣ природы, можно близко узнать дѣтей и ихъ наклонности и даже способности и требованія, и, на мой взглядъ, приступить къ организаціи и работкѣ плановъ экскурсій, необходимо немедленно, такъ какъ лѣто коротко, да и погода не всегда позволяетъ выступать въ экскурсію. И такъ „эстетическія, экскурсіи, въ которыхъ разсужденія и поученія занимали-бы какъ можно меньше времени, вотъ что, по моему, должны осуществить въ ближайшемъ времени мы. Мы всѣ, немного утилитаристы—смотримъ на жизнь, природу и людей съ точки зрѣнія, наилучшаго использованія“, а это должно находиться на самомъ послѣднемъ мѣстѣ въ „эстетической“ экскурсіи. Надо вести дѣтей ближе къ природѣ, къ тихому вѣянью ея нетлѣнной, немеркнувшей красоты и поэзіи это спасетъ ихъ отъ растлѣвающаго вліянія улицы. „Деревья были моими первыми учителями,—говорилъ Фребель,—и я не забылъ прекрасныхъ уроковъ, данныхъ мнѣ природой“... Да онъ не забылъ: онъ создалъ „дѣтскій садъ“.... Но необходимость продленія этого сада на болѣе длительный періодъ жизни и обученія ребенка—слишкомъ очевидна. И это наша современ-

ная,—самая неотложная, самая настоятельная и, въ тоже время, самая интересная работа.

Гр. Новиковъ-Даурскій.

24 юня.

1916 г.

Г. Благовѣщенскъ.

Призывы.

Выходите угрюмые люди,
Из вонючих и темных углов,
Пусть подышат усталыя груди,
Ароматом сосновых лѣсов.

Выходите изъ клѣтокъ подвальных.
На просторы широких полей,
Гдѣ нѣтъ вздохов и стонов печальных,
Но есть ласки горячих лучей.

Там лазурныя, нѣжныя дымки,
Молодые, чудесные сны
И степные цвѣты-невидимки
И напѣвы царицы весны.

Там птички красивыя сказки,
И шепоты нѣжной листвы,
Зефира весенняго ласки,
Коверъ изумрудной травы,

Там поют о явившемся чудѣ,
О солнце, о мирахъ цвѣтов...
Выходите-ж, усталые, люди
Из вонючих и темных углов!

Виктор Снѣжин.

Оригинальные обычаи у китайцевъ.

Китайское правосудіе.

По законамъ Поднебесной имперіи, за совершенное преступленіе привлекается къ отвѣтственности не только самъ преступникъ но и родня его, какъ попущители преступленія. Въ одной пекинской газетѣ приводился какъ-то примѣръ подобнаго рода. Молодой китаецъ убилъ своего дѣда преступленіе, которое по китайскимъ законамъ наравнѣ съ отцеубійствомъ, считается самымъ ужаснымъ, даже болѣе ужаснымъ, чѣмъ государствѣнная измѣна, за которую по всей Азіи примѣняется самая высокая мѣра наказанія. Китайскій законъ гласитъ, что за подобное преступленіе виновный долженъ быть разтерзанъ на десять тысячъ кусковъ. Когда дѣдъ убитъ при жизни отца преступника, то отецъ его долженъ быть наказанъ потому, что въ законѣ сказано: обязанность отца воспитывать сына въ строгихъ правилахъ и въ самой юности внушать ему отвращеніе къ подобнымъ омерзительнымъ дѣламъ. Если же такое противуестественное преступленіе совершилось, то это обозначаетъ, что отецъ недостаточно поучалъ своего сына не внушавъ ему честныхъ мыслей, почему за свое небрежное отношеніе къ дѣлу воспитанія своего ребенка, подлежитъ строгому наказанію. Кара за небрежное воспитаніе слѣдующая: отецъ обязанъ присутствовать при казни сына до его послѣдняго издыханія и затѣмъ на томъ же мѣстѣ казни получить сорокъ ударовъ по пятамъ. Такому наказанію подлѣжитъ мужъ, жена котораго убилъ своего свекра или свекровь потому что мужъ, какъ сказано въ законѣ, «долженъ управлять помыслами и дѣйствіями своей жены и всякое преступленіе, ею совершенное, зависитъ отъ его небрежнаго наблюдѣнія за ея поведеніемъ.»

Интересно-бы знать: какой карѣ, по китайскимъ законамъ, подлѣжатъ родители, сыновья коихъ

по причинѣ небрежнаго наблюденія за ними, впадаютъ въ хулианство, подобно какимъ нибудь нашимъ „забурхановцамъ“, „култучникамъ“, „тербиловцамъ“ и т. д.

Ред.

Башмаки Правосудія

На воротахъ китайскихъ городовъ можно видѣть иногда деревянную клѣтку, висящую подъ самымъ сводомъ на стѣнѣ съ китайскими башмаками. Если какой-нибудь крупный чиновникъ отслужитъ въ городѣ свой срокъ, который оканчивается всегда черезъ 3 года, и если онъ за это время отличится правосудіемъ, то жители, провожая его за городъ, опережаютъ коляску его и говорятъ: „Ваши ноги оставили весьма хорошіе слѣды въ нашемъ городѣ! Вы теперь уѣзжаете отъ насъ! Да не вспоминайте насъ впредь худо, да не будемъ вспоминать Васъ худомъ и мы! Ваши ноги оставили весьма хорошіе слѣды, и мы просимъ у Васъ на память башмаки, которые теперь у Васъ на ногахъ!“ Чиновникъ радуется просьбѣ жителелей и съ удовольствіемъ отдаетъ имъ свои старые башмаки, за которые жители добровольно приносятъ 2 слитка серебра. Затѣмъ, взявши башмаки приносятъ ихъ въ городъ и кладутъ въ деревянную клѣтку, которую и вѣшаютъ на городскія ворота.

Встрѣча царской бумаги.

Въ недавно минувшія времена въ Китаѣ существовалъ такой обычай:

Если придетъ бумага отъ Эдзень-хана, т. е. китайскаго Богдохана (Императора), то главный чиновникъ, получившій ее приносить ее (въ казенную кумирню или присутственное мѣсто) одинъ и кладетъ на высокій столъ по направленію къ Пекину. Затѣмъ чиновникъ кладетъ передъ бумагой 9 поклоновъ и 3 раза совершаетъ „ку-то-ла“, которое состоитъ въ томъ, что совершающій обрядъ складываетъ обѣ руки ладонями вѣстѣ и, приставляетъ ихъ 3 раза большими пальцами ко лбу (большіе пальцы должны быть подъ прямымъ угломъ къ указательнымъ). Затѣмъ каждый изъ присутствующихъ кланяется передъ бумагой по 3 раза и по 3 раза совершаетъ „ку-то-ла“. Потомъ главный чиновникъ читаетъ грамоту и, прочитавши кладетъ однимъ концомъ подъ шапку и церемонія кончается. Эту бумагу по пикетамъ везетъ верхомъ одинъ курьеръ въ Пекинъ.

Два послѣдніе обычая записаны, въ 1891 г. въ гор. Біарь (Чугучакъ) Торбагатайскаго округа, Н. Катановымъ, посѣщавшемъ Кашгарію (Восточный или Китайскій Туркестанъ) по порученію Академіи наукъ и Имп. Географическаго Общества, съ цѣлью изученія быта и языка жителей.

Вниманію Г. Г. рекламодателей.

Г. г. Рекламодатели, желающіе помѣщать при своихъ объявленіяхъ въ журналѣ «Записки Любителя» виды фабрикъ, заводовъ, магазиновъ, мастерскихъ (наружныя и внутренніе), снимки съ предметовъ производства или торговли или объявленія въ видѣ художественныхъ рисунковъ, благоволятъ доставлять оригиналы таковыхъ, въ видѣ фотографій или рисунковъ отъ руки перомъ, карандашемъ и т. д. и на бумагѣ, картонѣ деревѣ или другомъ какомъ либо матеріалѣ—безразлично, въ контору журнала (Амурская, 72.). Клише для рекламъ и объявленій изготавливаются нами съ оригиналовъ заказчиковъ по 25 коп. за квадратный дюймъ, а помѣщаются въ текстѣ объявленій по расчету занимаемыхъ ими строкъ. Для объявленій многократныхъ, размѣромъ не мѣнѣе 1/2 страницы клише рисунковъ занимающія не болѣе 1/4 мѣста въ объявленіи изготавливаются безплатно.

Клише, по желанію г. г. заказчиковъ, могутъ быть изготовляемы въ увеличенномъ или уменьшенномъ видѣ противъ оригиналовъ.

Къ слѣдующему № изготовляются разнаго рода клише для объявленій г.г. ремесленниковъ: часовыхъ мастеровъ, ювелировъ, слесарей, столяровъ, сапожниковъ и т. д., а такъ-же для г.г. парикмахеровъ, фотографовъ и т. п.

10% съ платы за объявленія помѣщаемыя въ журналѣ «Записки любителя» поступаетъ въ пользу Безплатной Дѣтской бібліотеки—читальни имени Л. Н. Толстого.

Библіографія

Сибири и Дальняго Востока.

Старокотлицій Н. И. докторъ «что такое такъ называемый маньчжурскій гастритъ». (Статья въ Томскомъ медицинскомъ журналѣ „Сибирскій Врачъ“ 1916 г. №№ 21 22). Эта статья принадлежащая перу популярнаго и уважаемаго въ Благовѣщенскѣ врача является научнымъ изслѣдованіемъ „маньчжурской“ болѣзни, весьма распространенной и на Амурѣ, отъ которой не одна сотня человѣческихъ жизней сходитъ въ могилу ежегодно на Дальнемъ Востока въ №№ 21 и 22-мъ «Сиб. Врача» помѣщено только начало статьи.

Ардовъ А. С. Японцы наши союзники.

Очеркъ. („Ежемѣсячныя литературн. и популярно-научныя приложенія къ журналу «Нива» 1916 г. № 4). Авторъ даетъ очеркъ бывшихъ и настоящихъ отношеній японцевъ къ Россіи и русскимъ, попутно говоритъ о воспитаніи гражданъ Японіи, о японской женщинѣ, ея занятіяхъ и положеніи въ семьѣ и государствѣ, онъ восторгается культурными успѣхами японцевъ въ областяхъ воспитанія и образованія.

Особенно поражаетъ г. Ардова трудолюбіе японца и благородство души его. Въ очеркѣ приведено много статистическихъ данныхъ по экономической жизни страны восходящаго солнца. Статью свою г. А. заканчиваетъ горячимъ призывомъ войти въ союзъ съ Японіей.

Стожъ Динна. «Сердце и невежество». Стихи. 4-е изданіе. Иркутскъ 1916 г. 68 стр. ц. 30 к.

Книжечка Стожъ пользуется, среди сибирскихъ любителей „поэзіи сердца“, заслуженнымъ вниманіемъ, что доказывается уже тѣмъ, что она выходитъ 4-мъ изданіемъ.

Рецензіи о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ имѣющихъ отношеніе къ Сибири и Дальнему Востоку заимствуемая изъ другихъ изданій.

Вейнбаумъ Э. Въ дальнихъ краяхъ.

Бібліотека „Тропинка“ подъ редакціей П. Соловьевой и К. Манасеиной. Обложка М. Чемберсъ. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина, Москва 1915 г. 104 стр. ц. 60 коп.

Очерки Вейнбаумъ не беллетристика не всестороннее описаніе путешествія по Дальнему Востоку, это всего лишь замѣтки о томъ, что автору удалось видѣть и наблюдать на нашей Дальне-восточной окраинѣ, въ Уссурийскомъ краѣ, въ Китаѣ и въ Японіи. Въ 1-й главѣ разсказывается о приключеніяхъ охотниковъ за тиграми..... Въ главѣ „медвѣди“ разсказывается о жизни этихъ хищниковъ въ лѣсу и въ условіяхъ «прирученія».... Описаніемъ природы Дальняго Востока соблазняетъ авторъ своихъ юныхъ читателей, которые найдутъ въ книгѣ г. В. и описаніе китайскаго театра маріонетокъ, пересказъ примитив-

ныхъ пьесъ китайскаго репертуара, разказы о чудесахъ китайскаго фокусника.... и о томъ, какъ китайцы празднуютъ свой новый годъ, описаніе китайскихъ похоронъ. Попутно слѣдуетъ описаніе кумиренъ, храмовъ, дворцовъ, или напрімѣръ, описаніе улицъ громаднаго и грязнаго Пекина.

Въ главѣ „по Японіи“ авторъ переноситъ..... читателя въ условія быта этой, теперь намъ дружественной страны. Описаніе.... природы Японіи чередуется съ описаніемъ быта народа въ мелочахъ, такъ характерныхъ для всего Дальняго Востока. гдѣ причудливо сочетаются два начала—парадоксы роднаго Востока и пришедшій извнѣ „чужой“, но не чуждый Японіи западъ съ его европейской культурой.

Книгу Э. Вейнбаумъ слѣдуетъ рекомендовать юному читателю, какъ полезный источникъ для знакомства съ сосѣдними намъ народами и съ нашимъ Дальнимъ Востокомъ.

В. Б.—нб.

(«Соврем. Міръ». № 3. 1916 г.)

Джайльсъ, Г. проф. Китай и его жизнь. Переводъ съ англ. съ примѣчаніями и дополненіями проф. А. И. Иванова. изд. П. П. Сойкина. Петроградъ («Бібліотека знанія») ц. 50 к.

Содержаніе: 1. Феодальный періодъ. 2. Законъ и правительство. (Современное устройство Китая. проф. Иванова). 3. Религія и суевѣрія. 4. Годы 220—1200 по Р. Х. 5. Женщины и дѣти. 6. Литература и воспитаніе. (О современномъ школьномъ образованіи въ Китаѣ Проф. А. Иванова). 7. Философія.—Спортъ. 8. Развлеченія. 9. Монголы (1250—1367 г.). 10. Минская и Цинская династія (1368—1911 г.). 11. Китайцы и иностранцы. 12. Заключение. Въ добавленіи ст. проф. А. Иванова.—Судъ и судопроизводство.—Финансы и бюджетъ.—Хронологическая таблица китайскихъ династій. Краткая бібліографія. Указатель.

....Авторъ-англичанинъ самъ жилъ и служилъ въ Китаѣ былъ проф. китайскаго языка въ Кембриджскомъ ун-тетѣ и написалъ о Китаѣ рядъ работъ. Предлагаемая книжка выпущена имъ въ 1912 г. Цѣль ея, по указанію самого автора—«дать хотя бы въ общихъ чертахъ изложеніе развитія китайской культуры съ древнѣйшихъ временъ и до послѣдняго времени».

Въ 20-мъ столѣтіи Китай, который привыкли считать «неподвижнымъ», явилъ міру зрѣлище «быстрыхъ и изумительныхъ переходовъ», въ особенности въ политической жизни.

Въ Китаѣ, въ послѣднее время выдвигалась идея о созданіи особаго маньчжурскаго государства въ южной части Манчжуріи съ центромъ въ Мукденѣ. Государству этому предназначается роль государства буфера между Китаемъ и Россіей. Этотъ проектъ находится въ тѣсной связи съ тѣмъ, что происходитъ сейчасъ въ Европѣ, которая въ высшей степени заинтересована разграниченіемъ сферъ вліянія и интересовъ народовъ на Дальнемъ Востока. Книга проф. Джайльса, снабженная дополнительными свѣдѣніями и поправками нашего знатока Китая, проф. петроградскаго ун-та А. И. Иванова, даетъ читателю немало интересныхъ данныхъ къ пониманію совершающихся въ Китаѣ событій, въ основѣ которыхъ, быть можетъ, лежитъ стремленіе къ самостоятельному существованію и культурному самоопредѣленію различныхъ народностей, входящихъ въ составъ Китая. Изъ книги проф. Джайльса ясно видно, что Китай вовсе не представляетъ единаго цѣлаго: отдѣльные его части столь же разнородны, какъ отдѣльныя государства Европы. Не существуетъ, — говоритъ англ. профессоръ,— даже единаго китайскаго языка; его восемь діалектовъ такъ же различны какъ языки англійскій, шведскій и нѣмецкій или какъ французскій, испанскій, итальянскій, и португальскій....

Бытовыхъ чертъ въ книгѣ англійскаго профессора чрезвычайно много: онѣ распылены въ каждой главѣ, но особенно много свѣдѣній этнографическаго характера въ главахъ о религіи и суевѣріи, о женщинѣ и дѣтяхъ, о литературѣ и воспитаніи, о фило-

софии и спортѣ, о развлеченияхъ, о китайцахъ и иностранныхъ. Написана книга очень живо, читается легко.

«Русская Школа.» № 12, 1915 г.

А. Мезіерс.

Переписка.

Этотъ отдѣлъ предназначается для писемъ читателей въ редакцію и къ публикѣ и отъ редакціи къ читателямъ по вопросамъ разнаго рода любительскихъ занятій какъ то: фотографіи, составленію коллекцій какихъ либо предметовъ, наблюденію природы, спорту и т. д. и, между прочимъ, по обмѣну коллекціями, открытками, марками, фотографическими снимками и т. д.

Здѣсь-же будутъ помѣщаться и отвѣты редакціи читателямъ.

На всякій вопросъ читателя редакція постарается дать отвѣтъ, конечно, въ томъ случаѣ, когда сочтетъ себя вполне компетентной въ томъ, о чемъ заданъ вопросъ.

Въ свою очередь редакція проситъ г. г. читателей не отказывать въ отвѣтахъ ей, когда кто либо изъ нихъ будетъ имѣть возможность къ этому.

Объявленія объ обмѣнѣ предметами коллекцій помѣщаются отъ подписчиковъ бесплатно, а отъ лицъ не состоящихъ подписчиками по присылкѣ почтовыхъ марокъ на 20 коп.

Къ любителямъ ботаники.

Редакція «Записокъ любителя» проситъ г. г. читателей коимъ извѣстны какія либо дикія растенія, въ ихъ мѣстности, употребляемая населеніемъ (русскимъ, инородческимъ или проживающими въ данной мѣстности китайцами, корейцами или японцами) въ пищу, — присылать образцы таковыхъ растеній съ описаніемъ: какая часть растенія (листья, почки, молодые побѣги, цвѣты, кора, заболонь, сердцевина, корень, стебель) употребляется въ пищу и въ какомъ видѣ: въ сыромъ, засоленномъ, квашеномъ съ солью или безъ нея, сушеномъ, вымоченномъ, вареномъ съ какими либо приправами или въ качествѣ приправы къ какому нибудь кушанью. А если готовится что изъ какого либо растенія какъ, наприкладъ, «голодный хлѣбъ» изъ сѣмянъ лебеды или повилки, пампушки китайскія изъ разныхъ травъ печенія паромъ, — то, при возможности, присылать и образцы таковыхъ приготовленій. У некоторыхъ растеній листья или лепестки цвѣтовъ сушатся и отваръ ихъ пьютъ, или прежде пили, какъ чай или кладутъ понемногу въ чай «для запаха или вкуса».

У многихъ растеній дѣти жуютъ цвѣты или корни, сосутъ стебли и т. д.

Образцы слѣдуетъ брать въ двухъ, трехъ экземплярахъ и посылать засушенными не расправляя лишь завернувъ въ бумагу каждый образецъ отдѣльно и написать на бумагѣ, въ которую завернуто растеніе, № и названіе растенія. Подъ такимъ же №, каковой будетъ на сверткѣ, должно быть и описаніе, прилагаемое въ отдѣльной тетрадкѣ. Въ описаніи нужно указать мѣстное названіе растенія. Почва и мѣстопребываніе, т. е. растетъ на берегу рѣки на галькѣ или пескѣ, въ озерѣ или пруду съ илистымъ дномъ, на болотѣ, на сыромъ лугу, въ лѣсу, на пашняхъ, на сухихъ лугахъ, въ каменныхъ розсыпяхъ, на горахъ (на какомъ склонѣ) и т. д. составъ почвы, — песчанн., супесчанная, суглинокъ, черноземъ и т. д.

Мѣстонахожденіе (названіе города, села, рѣки и т. п., въ районѣ которыхъ растеніе находится).

Часто или рѣдко встрѣчается.

Когда растеніе взято (число, мѣсяць и годъ) затѣмъ объ томъ, какъ и въ какомъ видѣ употребляется въ пищу данное растеніе. Названіе приготовляемаго изъ него кушанья.

Если употребляется въ пищу китайцами или японцами — узнать названіе растенія на ихъ языкѣ и

названіе кушанья приготовляемаго изъ него, затѣмъ какъ и что пвиготовляется и т. д.

Если отвѣтить на все нельзя почему либо, то этимъ просимъ не стѣсняться, а доставлять и только тѣ свѣдѣнія, которыя достоверно извѣстны корреспонденту. За пересылку посылокъ и писемъ къ нимъ редакція будетъ уплачивать по счетамъ корреспондентовъ ежемѣсячно.

Отвѣты Редакціи. Сахалинъ. «Безгрѣшному». Стихотвореніе «Святое Море» мы помѣщаемъ измѣнивъ заголовокъ на „Байкаль“ и вмѣсто вашей подписи ставимъ подпись; П. Е. Мурина, — какъ это стихотвореніе было озаглавлено и подписано въ журналѣ «Женщина» 1909 г. Если Вы хотите быть „безгрѣшнымъ“, то не выдавайте впредь чужого за свое — это въ литературномъ мѣрѣ называется плагиатомъ, а по церковному „татьбой“ т. е. воровствомъ, а воровство — одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ.

ПОПРАВКА. Первый абзацъ статьи: „Нужно изучать Японію“ (стран. 8 настоящаго №) слѣдуетъ читать такъ: Императорское Общество Востоковѣдннхъ въ Петроградѣ приступило къ организаціи Японскаго отдѣла, члены котораго... и т. д. Слова набранныя курсивомъ, по недосмотру были пропущены.

Редакторъ-Издатель Г. С. Новиковъ.

Вышелъ изъ печати и поступилъ въ
продажу

Адресь-Календарь

Амурской области на 1916 годъ.

ОТДѢЛЫ:

1) справочный; 2) Адресь календарь учреждений обл.; 3) Статистическій; 4) Населенныя пункты области. Алфавитный указатель.

ПРОДАЕТСЯ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Благовѣщенска;

цѣна 1 рубль 25 копѣекъ.

Складъ изданія: Канцелярія Военнаго Губернатора Амурской области, Статистич. Комитетъ, Графская 26, кв. 3.

ПЕРЕПЛЕТНО-ФУТЛЯРНАЯ
мастерская

Г. И. Шустеръ

(Торговая, 35).

Принимаетъ всевозможныя переплетныя работы, какъ простыя такъ и роскошныя, тисненныя золотомъ и краской, наклейка картъ.

ЦѢНЫ УМЕРЕННЫЯ.

Исполненіе аккуратное.

КЪ ЭКЗАМЕНАМЪ

И

ПЕРЕЭКЗАМЕНОВКАМЪ

готовить и репетируетъ во всѣ классы среднихъ учебн. заведеденій, лицо съ высшимъ образованіемъ къ августовскимъ экзаменамъ

НА ПРАПОРЩИКА

Составл. группы; Здѣсь-же готов. на классный чинъ, званіе домашн. и народн. учителя-ницы. Специальность-математика.

Пріемъ открытъ

Графская ул. № 26 кв. 3. Личные переговоры съ 3 ч. дня до 8 веч.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ,

На новый двухнедѣльный иллюстрированный научно-популярный и литературный журналъ.

„ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ“

Издающійся въ городѣ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Научно-популярныя статьи по естествознанію, этнографіи, географіи, исторіи Сибири и Дальнаго Востока.
- 2) Повѣсти, рассказы, стихотворенія изъ сибирской и дальневосточной жизни.
- 3) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія изъ печати (только имѣющія отношенія къ задачамъ журнала.)
- 4) Библиографія Сибири и сопредѣльныхъ странъ Дальнаго Востока.
- 5) Переписка съ читателями по вопросамъ коллекціонированія, наблюденій природы, библиографіи и всякихъ любительскихъ занятій.
- 6) Объявленія.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: 1) Слособствованіе изученію Сибири и Дальнаго Востока въ областяхъ естествознанія, географіи, этнографіи и сторіи. 2) Объединеніе любителей—ислѣдователей и коллекціонеровъ въ цѣляхъ лучшаго и болѣе правильнаго приложенія ихъ трудовъ.

Подписная цѣна: На годъ 3 руо. на полгода 1 р. 75 к. 3 мѣсяца 85 к. отдлѣнный номера 15 коп. Объявленія :1 страница 20 руб. 1/2 стран. 10 руб. 1/4 стр. 5 руб. 1/8 стр. 2 руб. 50 к., строка 15 коп., многократныя и на обложкѣ по соглашенію.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ журнала, Амурская ул., № 72, противъ 1-го городского Почтово-Телеграфнаго отдѣленія, а такъ-же при Типографіи Тва „Печатное Дѣло“, Торговая ул. № 10. Телефонъ № 40.

Редакторъ-Издатель Г. С. Новиковъ.

ПЕРВАЯ
ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ
ТИПОГРАФІЯ
Т-ва „ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“

Арендована у М. Т. Хворовой.
(Торговая ул. д. № 10, Телефонъ № 40.)

За аккуратное и изящное исполненіе заказовъ РУ-
ЧАТЕЛЬСТВО. При типографіи переплетное и лино-
вальное отдѣленія. Срочные заказы выполняются въ
теченіе нѣсколькихъ часовъ. Цѣны много ниже
мѣстныхъ.

Принимаются всевозможныя типографскія
заказы.

ПЕЧАТАНІЕ: книгъ, брошюръ, конторскихъ книгъ,
разныхъ бланковъ, счетовъ, писемъ, конвертовъ, ви-
зитныхъ карточекъ, АФИШЪ, этикетовъ и др. ПЕ-
РЕПЛЕТЬ: учебниковъ, конторскихъ книгъ, журна-
ловъ, брошюръ и проч.

Въ типографіи всегда имѣются изгото-
вленные для продажи расчетныя при-
сковыя, судовыя заборныя и др. книжки,

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ
пароходскія и присковыя бланки.